

Заповедник «Херсонес Таврический»
Tauric Chersonesos Preserve

Международный научный семинар

**ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ – СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Тезисы докладов

International research seminar

**GLAZED WARES IN THE BLACK SEA
AND MEDITERRANEAN
AS A SOURCE FOR THE STUDIES
OF BYZANTINE CIVILIZATION**

Abstracts

Севастополь, Россия, 5–8 сентября 2014 г.

Sevastopol, Russia, 5–8 September 2014

Севастополь Sevastopol
2014

Организационный комитет

Л. М. Жунько, генеральный директор

Л. В. Седикова (*председатель*),
заместитель генерального директора по научной работе

Н. В. Гинькут, ученый секретарь
Заповедник «Херсонес Таврический»

Organizing Committee

Leonid Zhunko, director-general

Larissa Sedikova (*chair*), deputy director-general for research

Nataliya Ginkut, academic secretary
Tauric Chersonesos Preserve

Перевод: Н. И. Храпунов

Translation: Nikita Khrapunov

Печатается по решению Ученого совета Заповедника «Херсонес Таврический», протокол №2 от 15 июля 2014 г.

Содержание

Contents

Айбабин А. И. Поливная керамика из слоя разрушения на плато Эски-Кермен XIII в.	8
<i>Aibabin A. I. Glazed Wares from the Layer of Destruction at Eski-Kermen Plateau in the Thirteenth Century</i>	11
Борисов Б. Поливная керамика из средневекового поселения в районе сел Трояново и Голяма Детелина (Южная Болгария).	14
<i>Borisov B. Glazed Wares from a Mediaeval Settlement in Vicinity of Troianovo and Goliama Detelina Villages (Southern Bulgaria)</i>	17
Бочаров С. Г. Масловский А. Н. Парадная поливная керамика константинопольского производства на памятниках Восточной Европы второй половины XIII – XIV вв.	19
<i>Bocharov S. G., Maslovskii A. N. Parade Glazed Ware of Constantinopolitan Production at Eastern European Sites in 1250–1400</i>	21
Бочаров С. Г. Масловский А. Н. Светлоглиняная кухонная поливная керамика византийского производства на памятниках Восточной Европы второй половины XIII – XIV вв.	23
<i>Bocharov S. G., Maslovskii A. N. Glazed Light-Clay Kitchen Ware of Byzantine Production at Eastern European Sites in 1250–1400</i>	25
Бочаров С. Г. Масловский А. Н. Ситдигов А. Г. Столовая поливная керамика провинциальных византийских центров как хроноиндикатор для памятников Крыма, Причерноморья и Восточной Европы второй половины XIII – XIV вв.	27
<i>Bocharov S. G., Maslovskii A. N., Sitdikov A. G. Glazed Tableware from Byzantine Provincial Centres as a Chronological Indicator for Crimean, Black Sea, and Eastern European Sites in 1250–1400</i>	29

Варданесова Т. В. К вопросу о средневековой поливной керамике Армении	31
<i>Vardanesova T. V. On the Problem of Mediaeval Glazed Wares in Armenia</i>	33
Врум И. Проследим за большим белым монстром: распространение и использование белоглиняной поливной керамики	35
<i>Vroom J. Tracing the Great White Monster: The Distribution and Use of GWW</i>	36
Гинькут Н. В. Редкая группа поливных чаш XIV – начала XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало	36
<i>Ginkut N. V. A Rare Group of Glazed Bowls from the Fourteenth and Early Fifteenth Century Excavated in the Genoese Fortress of Cembalo</i>	38
Гинькут Н. В., Яшаева Т. Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К. Э. Гриневича в балке Бермана	40
<i>Ginkut N. V., Yashaeva T. Yu. Some Late Byzantine Glazed Wares Excavated by K. E. Grinevich in Bermana Ravine</i>	43
Гусач И. Р. Продукция пост-византийских гончарных мастерских Крыма в Азаке	45
<i>Gusach I. R. The Products of Post-Byzantine Pottery Workshops of the Crimea in Azak</i>	46
Залеская В. Н. Византийская поливная керамика в литургическом контексте	47
<i>Zallesskaia V. N. Byzantine Glazed Pottery in the Liturgical Context</i>	50
Кан-Шахин Г., Лафлы Э. Средневековая поливная керамика из юго-западной Пафлагонии	52
<i>Kan Şahin G., Lafli E. Medieval Glazed Pottery from South-Western Paphlagonia</i>	54

Коваль В. Ю. Импортная поливная керамика из раскопок в Болгаре.	56
<i>Koval' V. Yu. Imported Glazed Wares Excavated in Bolgar</i>	58
Коваль В. Ю. О новейшем «открытии» византийских глазурованных кувшинов в Италии второй половины XIII века	60
<i>Koval' V. Yu. On a Recent "Discovery" of Byzantine Glazed Pitchers in Italy in the Second Half of the Thirteenth Century</i>	62
Крамаровский М. Г., Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.)	64
<i>Kramarovskii M. G., Naumenko V. E., Seidaliev E. I. Glazed Wares from Two Fourteenth-Century Closed Archaeological Assemblages at the Madrasa of Solkhat (According to the 2013 Researches)</i>	69
Майко В. В. Поливная византийская керамика Сугдеи второй половины X – XIII вв. Основные типы и хронология комплексов	73
<i>Maiko V. V. Byzantine Glazed Wares from 950–1300 in Sougdaia: Their Main Types and the Chronology of Assemblages</i>	76
Майко В. В., Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б. Керамика из зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам раскопок 2010 г. в Судак, Крым)	78
<i>Maiko V. V., Aliadinova D. Yu., Teslenko I. B. Ceramic Wares from an Ottoman-Period Cinder Heap in the Port Area of Sougdaia (According to the 2010 Excavations in Sudak, Crimea)</i>	81

Майко В. В., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А., Ступко М. В. Поливная византийская керамика второй половины X в. из раскопок зольника вблизи 13 куртины южного участка обороны Херсонеса. Предварительное сообщение	84
<i>Maiko V. V., Turovskii E. A., Filippenko A. A., Stupko M. V.</i> <i>Byzantine Glazed Wares from 950–1000 Excavated</i> <i>in a Cinder Heap near Curtain Wall 13 at the Southern</i> <i>Fortification of Chersonesos: Preliminary Information</i>	87
Манолова-Войкова М. Византийская поливная посуда из коллекции Археологического музея в Балчике (Болгария)	89
<i>Manolova-Voykova M. Byzantine Glazed Pottery</i> <i>from the Collection of the Archaeological Museum</i> <i>in Balchik (Bulgaria)</i>	91
Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурированная керамика из раскопок дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп) по материалам исследований 2006–2010 гг.	93
<i>Naumenko V. E., Dushenko A. A. Byzantine Glazed Wares</i> <i>Excavated at the Palace of the Theodoro Principality</i> <i>Rulers (Mangup) According to the 2006–2010 Researches</i>	95
Озкул-Фындык Н. Византийская белоглиняная керамика из Изника	98
<i>Özkul Fındık N. Byzantine White Ware in Iznik</i>	100
Папаникола-Бакиртзи Д. Раннекипрская поливная посуда	102
<i>Papanikola-Bakirtzi D. Early Cypriot Glazed Pottery</i>	104
Седикова Л. В. Поливная керамика из усадьбы 1 Южного района Херсонеса	106
<i>Sedikova L. V. Glazed Ware from Complex 1</i> <i>in the South Region of Chersonesos</i>	108

Тесленко И. Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым)	109
<i>Teslenko I. B. Byzantine Elaborate Incised Ware from Fourteenth-Century Houses at Lusta Settlement (modern Alushta, Crimea)</i>	112
Тюркер А. Ч. Византийская поливная керамика из Сеста на Херсонесе Фракийском	115
<i>Türker A. Ç. Byzantine Glazed Wares from Sestos in the Thracian Chersonesos</i>	117
Франсуа В. Эгейская посуда: новое определение	119
<i>François V. Aegean Ware: A New Definition</i>	120
Хрушкова Л. Г. Средневековая поливная посуда из Восточного Причерноморья	122
<i>Khrushkova L. G. Mediaeval Glazed Pottery in the Eastern Black Sea Area</i>	123
Чхаидзе В. Н. Чаши с изображением змеи и цапли в технике сграффито с Таманского городища	127
<i>Chkhaidze V. N. Snake and Heron Sgraffito Bowls from Taman' Fortified Settlement</i>	128
Авторы	130
Contributors	130

А. И. АЙБАБИН

**ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ СЛОЯ РАЗРУШЕНИЯ
НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН XIII в.**

В слое разрушения и пожара города на плато Эски-Кермен выявлены фрагменты и целые формы красноглиняных и белоглиняных поливных сосудов.

Среди красноглиняных изделий выделяются фрагменты «Зевксипповой керамики». Склеено блюдо из светло-коричневой глины со сферическим туловом, широким отогнутым бортиком и низким, коническим в сечении поддоном со следами от трипода. Внутренняя поверхность блюда покрыта бледно-желтой поливой, наложенной на белый ангоб, и украшена врезными концентрическими окружностями. На внутренней поверхности бортика тонкой, врезной, заполненной коричневой краской линией выполнены стилизованные деревья и треугольники, вписанные в чередующиеся изображения бутонов и треугольников. Наружная поверхность бортика покрыта наложенной на глину зеленоватой поливой и короткими и длинными подтеками белого ангоба.

К той же группе отнесен красноглиняный кубок с коническим туловом, с простым вертикальным венчиком с заостренным краем и плоским, слегка залощенным дном на слабовыраженном сплошном поддоне. Поверхность украшена прочерченными горизонтально широкими полосами по слою плотного белого ангоба и покрыта бледно-желтой поливой снаружи и изнутри. Верхняя часть кубка декорирована поясом чередующегося вертикального мелкогребенчатого и S-видного орнамента.

Поливная «Зевксиппова керамика» была широко распространена на восточном побережье Эгейского моря, на Кипре, в прибрежных районах Ближнего Востока и в Херсоне. Принято считать, что рассматриваемые сосуды делали в последние десятилетия XII – первой половине XIII вв. Однако Г. Сандерз и В. Франсуа отмечали использование однотипных сосудов до конца XIII в.

«Эгейская группа» представлена немногочисленными фрагментами красноглиняных блюд на массивном низком кольцевом поддоне с внутренней поверхностью, покрытой наложенной на ангоб плотной желтой блестящей поливой и геометрическим или растительным декором, выполненным толстой глубокой врезной линией. А. Л. Якобсон включил однотипный сосуд из раскопок на Эски-Кермене в 1937 г. в группу трех поливных сосудов из Херсона. «Эгейская группа» содержится в слое конца XII – начала XIII вв. из раскопок в Фивах и Фессалониках, а также в Херсоне в слоях XII в. и XIII – XIV вв.

Фрагменты красноглиняных полихромных сосудов с графическим рисунком, выполненным толстой врезной линией, процарапанной сквозь слой белого ангоба, отнесены к группе 6 по А. Л. Якобсону. Найдены фрагменты однотипной чаши с почти горизонтально отогнутым бортиком, с врезным орнаментом, заполненным зеленой и коричневой краской, под бледно-желтой блестящей поливой. А. Л. Якобсон считал, что сосуды этой группы в XIII в. изготавливали в Херсоне. По мнению Л. А. Голофаст, данная керамика по орнаментике подобна изделиям порта Сен-Симеона («Port St. Symeon Ware»), получившим название по месту производства в порту Сен-Симеон (араб. Аль-Мина), располагавшемуся на территории Антиохийского княжества. В Сен-Симеоне рассматриваемая керамика найдена в слоях с монетами первой половины XIII в., возникших в период господства крестоносцев.

В группу 7 А. Л. Якобсон выделил красноглиняную монокромную керамику с глубоким резным рисунком, аналогичным по технике изготовления сосудам группы 6. Из слоя разрушения извлекли фрагменты сосудов открытого типа, покрытые монокромной светло-желтой глазурью по светлому ангобу на внутренней поверхности, с врезным линейным и растительным орнаментом, с подцветкой коричневой и зеленой красками. По мнению А. Л. Якобсона, однотипные сосуды производили в Херсоне в XIII – XIV вв.

Фрагменты сосудов из светло-коричневой глины с подглазурной росписью ангобом, покрытые желтой или практически бесцветной, блестящей поливой, типичны для группы 8 по А. Л. Якобсону. По его мнению, данную керамику использовали в Крыму на рубеже XIII – XIV вв. или в XIV в..

Фрагменты монокромной белоглиняной керамики немногочисленны. Из четырех фрагментов склеено цилиндрическое тулово плоскодонной бутылки из светло-розовой глины, плавно сужающееся в верхней части. Наружная поверхность тулова и дна покрыта желтовато-коричневой поливой невысокого качества. В верхней части тулова просверлено круглое отверстие диаметром 0,6 см для подвешивания. Похожие сосуды из розовой глины найдены в Херсоне в слое пожара XIII в.

Белоглиняная керамика с подглазурной росписью марганцевой краской характерна для группы 9 по А. Л. Якобсону или типа «GWW IV» («Glazed White Ware IV») по Дж. Хейсу. По фрагментам восстановлена форма кувшина с узким, расширяющимся кверху горлышком со слегка отогнутым наружу непрофилированным венчиком, яйцевидным туловом, двустольной ручкой и невысоким сплошным цилиндрическим поддоном. Тулово и горлышко украшены вертикальными рядами крупных коричневых точек, нанесенных марганцем. Склеены также кувшин и чаша. Кувшин с отогнутым круглым венчиком, цилиндрическим горлом, овальной ручкой

под краем венчика, каплевидным туловом и плоским дном покрыт монокромной зеленой поливой. Чаша на высоком кольцевом поддоне покрыта монокромной бледно-зеленой глазурью с росписью коричневой краской на внешней стороне. В Херсоне керамика типа «GWW IV» по Дж. Хейсу обнаружена в слоях XIII в.

Почти все рассмотренные выше группы керамики производились довольно длительное время в XII – XIV или XIII – XIV вв. Поливную «Зевксиппову керамику» делали с конца XII до середины XIII в., но использовали до конца столетия. Самыми поздними являются фрагменты сосудов из светлорычневой глины с подглазурной росписью ангобом группы 8 по А. Л. Якобсону, относимой к рубежу XIII – XIV вв. или XIV в.

ALEKSANDR AIBABIN

**GLAZED WARES FROM THE LAYER
OF DESTRUCTION AT ESKI-KERMEN PLATEAU
IN THE THIRTEENTH CENTURY**

The layer of fire and destruction in the town located atop Eski-Kermen plateau contained fragments and complete forms of glazed red- and white-clay vessels.

Among the red-clay pottery, particular attention is attracted by the Zeuxippus Ware fragments. We have glued from pieces a light-brown-clay dish having spherical body, wide out-turned rim, and ring-foot of conical trans-section with traces of a firing tripod. The inner surface is covered with pale yellow glaze above white engobe and decorated with incised concentric circles. The inner rim surface shows stylized trees and triangles inscribed into alternating buds and triangles, all drawn by thin incised line filled with brown colour. The outer rim surface is

covered with greenish glazing on clay and short and long streaks of white engobe.

The same group includes a red-clay beaker with tapered body, simple vertical rim with pointed edge, flat, slightly burnished bottom, and poorly pronounced solid foot. The surfaces is decorated with horizontal wide stripes scratched on a layer of compact white engobe and covered with a layer of pale yellow glaze. The upper body is decorated with a belt of alternating vertical fine combed and S-shaped designs.

The Zeuxippus Ware was widespread on the eastern Aegean Sea coast, in Cyprus, coastal areas of the Middle East, and Cherson. It is generally accepted that the vessels under study were produced in recent decades of the twelfth and first half of the thirteenth century, though G. Sanders and V. François have mentioned that vessels of the type existed to the end of the thirteenth century.

The Aegean Ware is represented by a few fragments of red-clay dishes with solid and low ring-foot, which inner surface is covered with engobe overlaid by compact shiny yellow glaze with geometric or floral patterns by thick deep incised line. A. L. Iakobson has included a vessel of the same type from the 1937 excavations at Eski-Kermen into group 3 of the glazed wares from Cherson. The Aegean Ware occurred in a layer from the late twelfth and early thirteenth century in Thebes and Thessalonike, as well as in Cherson in twelfth- and thirteenth-and-fourteenth-century layers.

Iakobson's group 6 consists of red-clay polychrome fragments with a graphic pattern drawn by thick incised line scratched through a white engobe layer. There are fragments of a bowl of the type with almost horizontal turned-out rim, decorated with incised design filled with green and brown colours, under shiny pale yellow glaze. Iakobson considered that this group was made in Cherson in the thirteenth century. According to L. A. Golofast, ornamentation of this ware resembles the Port St. Symeon Ware, which is named after their production area in St. Symeon port

(Arabic: Al-Mina) in the Principality of Antioch. At St. Simeon, the ware in question was found in layers with coins from 1200–1250 which had been deposited under the Crusaders' power.

Iakobson's group 7 consists of red-clay monochrome ware with deeply incised design of the technique parallel to group 6. The destruction layer excavation unearthed fragments of open vessels covered with monochrome light yellow glaze on light engobe on the inner surface, with incised linear and floral patterns, toned with brown and green. In Iakobson's opinion, this type of vessels was made in Cherson in 1200–1400.

Fragments of light brown clay vessels with underglaze engobe painting, covered with yellow or almost colourless, shiny glaze, are typical of Iakobson's group 8. According to him, this ware in the Crimea dates to ca. 1300 or 1300–1400.

There are a few finds of monochrome white-clay pottery fragments. Four pieces were united into a cylindrical body of a flat-bottomed bottle of pale pink clay, gently tapering at the top. The outer surface of the body and the bottom are covered with yellowish-brown glaze of poor quality. In the upper body is a drilled circular hole 0.6 cm in diameter for hanging. Similar vessels of pink clay were found in Cherson in a thirteenth-century layer of fire.

White-clay ceramics with manganese underglaze painting belongs to Iakobson's group 9 or J. Hayes' GWW IV (Glazed White Ware IV). Fragments allowed us to reconstruct the form of a pitcher with narrow flaring neck, slightly turned out non-profiled rim, egg-shaped body, double handle, and low solid cylindrical foot. The body and the neck are decorated with vertical rows of brown pellets in manganese. There also are a pitcher and a bowl glued from fragments. The pitcher with turned-out rounded rim, cylindrical neck, oval handle attached below the lip, drop-shaped body, and flat bottom is covered with monochrome green glaze. The bowl on a high ring-foot is covered with pale green monochrome glaze, with brown painting on the outer side. In Cherson, the GWW IV finds originate from thirteenth-century layers.

The production of almost all of the analysed wares lasted for a quite long period, in 1100–1400 or 1200–1400. Although the Zeuxippus Ware was made from the late twelfth to mid-thirteenth century, it continued to be used to 1300. The latest are fragments of light brown clay vessels of with underglaze engobe painting of Jakobson's group 8 from ca. 1300 or 1300–1400.

Б. БОРИСОВ

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ СЕЛ ТРОЯНОВО И ГОЛЯМА ДЕТЕЛИНА (ЮЖНАЯ БОЛГАРИЯ)

Предметом данного доклада является поливная керамика из средневекового поселения между селами Трояново и Голяма Детелина. Оно находится в районе энергетического комплекса «Марица-изток», непосредственно на краю рудника «Трояново-север». Поселение открыто в 2002 г. и исследуется на протяжении последних трех лет (2011–2013 гг.). Наблюдения показывают, что это поселение раскинулось на большой площади, подобно поселениям близ совр. с. Градец, Караново и Знаменосец, которые занимают площадь в 3–4 га. По стратиграфическим наблюдениям, архитектурному типу открытых жилых и хозяйственных помещений и собранному археологическому материалу и монетам, возникновение поселения относится к середине XII в., а упадок — к концу этого столетия (1190 г.), когда жители навсегда покинули множество средневековых поселений под напором участников Третьего крестового похода.

Во время археологических раскопок найдено 12 целых сосудов и 10357 информативных фрагментов керамики. Из них 512 принадлежат сосудам группы т. н. «художественной

керамики», в том числе изделия с золотистым ангобом — 133 фрагмента, с красным ангобом — 25 фрагментов и поливную керамику — всего 354 фрагмента. В данном докладе рассматривается керамика последней группы, которая включает поливную керамику — 152 фрагмента, изделия в технике сграффито — 149 фрагментов, и расписную керамику — 53 фрагмента.

Все сосуды сделаны на ножном гончарном круге из хорошо очищенной глины, которая после обжига приобретала оттенок от розового до красного. Белоглиняная поливная керамика на поселении отсутствует. Найденные сосуды, как правило, с внутренней стороны покрыты белым или бело-кремовым ангобом, который очень часто заходит и на внешнюю сторону тарелок, а в редких случаях покрывает ее полностью.

Почти все найденные фрагменты принадлежат к категории открытых сосудов — это глубокие и мелкие тарелки, а также блюда, и несколько фрагментов закрытой посуды — чаще всего миниатюрных одноручных кувшинов с трилистным горлышком.

Поливная керамика представлена в основном мелкими или глубокими тарелками, исключительно редко встречаются небольшие кувшины с трилистным горлышком. Поливные сосуды делятся на две группы — с однородной и пятнистой глазурью. В последнем случае полива чаще всего бесцветная или бледно-желтая, значительно реже встречаются сосуды со светло- или темно-зеленой глазурью. Сравнительно редко встречаются тарелки с коричневой пятнистой глазурью.

Керамика с орнаментом «сграффито» представлена только открытыми сосудами — тарелками. К огромному сожалению, материал сильно фрагментирован, из-за чего исключительно трудно определить композицию врезного подглазурного орнамента. Тем не менее, можно с уверенностью атрибутировать сосуды типов «Fine Style», «Spiral Style» и «Developed Style». Совсем редко встречаются и изделия

в технике «champlevé», тогда как группа «Painted Sgraffito Ware» почти полностью отсутствует — она представлена одним-единственным фрагментом.

Наиболее широко распространены тарелки т. н. «болгарского сграффито». Для подглазурного орнамента этой группы характерны врезанные гребенкой пояса из волнообразных линий между одной, двумя или большим числом врезных концентрических линий. В большинстве случаев по белому ангобу наносилась бесцветная полива, которая после обжига приобретала бледно-желтый, бледно- или темно-зеленый цвет.

Расписная поливная керамика представлена в основном тарелками, реже встречаются небольшие кувшины с трилистным горлышком или носиком. Выделяются две группы.

Первая группа представлена тарелками с росписью зеленой и коричневой глазурью по белому ангобу — это концентрические или радиальные линии, спирали, косые линии по краю горлышка. После первого обжига на них нанесена прозрачная глазурь. Сосуды этой группы относятся к классу «Green and Brown Painted Ware».

Вторая группа является разновидностью первой и представлена сосудами, расписанными зеленой и коричневой глазурью поверх белого ангоба. Орнамент представляет собой чаще всего спирали, волюты, зачастую бесформенные пятна. На остальной поверхности сосуда полива отсутствует. Форма, технология и композиция рисованных орнаментов совершенно такие же, как у византийской белоглиняной керамики конца XI – XII вв.

Технология и декор этой группы расписной поливной керамики находят наиболее точные параллели среди т. н. болгарской расписной керамики с орнаментом «сграффито», поверхность которой не полностью покрыта поливой — глазурь наложена лишь на врезной орнамент. На основе этого, в исследовании керамики из средневекового селения возле с. Дядово нами была выдвинута идея о местном происхож-

дении данной группы расписной керамики, которую позднее поддержала М. Манолова. Вполне вероятно, сосуды этой группы производились в тех же гончарных мастерских, что и болгарская расписная керамика с орнаментом «сграффито».

BORIS BORISOV

**GLAZED WARES FROM A MEDIAEVAL SETTLEMENT
IN VICINITY OF TROIANOVO AND GOLIAMA
DETELINA VILLAGES (SOUTHERN BULGARIA)**

This report discusses glazed wares from a medieval settlement located in between of Troianovo and Goliama Detelina villages, near Maritsa Iztok energy complex, directly on the edge of Troyanovo-North mine. Discovered in 2002, the settlement was studied during three years, 2011–2013. Our observations show that this one is a large-square settlement, which is similar to sites located in vicinity of modern Gradets, Karanovo, and Znamenosets, each covering 3–4 hectares. Stratigraphy, architectural type of residential and production rooms, and the finds of archaeological material and coins suggest that the settlement appeared in the mid-twelfth century and declined in the late twelfth century (1190), when a great number of medieval sites were abandoned forever under the pressure of the Third Crusade knights.

Archaeological excavations discovered 12 complete vessels and 10,357 informative ceramic fragments, including 512 of the so-called “artistic vessels” including gold-engobed ware (133 fragments), red-engobed ware (25 fragments), and glazed wares (354 fragments). This paper examines the latter group including glazed ware (152 fragments), sgraffito ware (149 fragments), and painted ware (53 fragments).

All the vessels are manufactured with potter’s foot-wheel of well-purified clay, coloured pink to red after firing. There is

no glazed white ware. Vessels are usually covered with white or creamy-white engobe on the inner side, which often projects to the outer side, but rarely covered the outer surface completely.

All the discovered fragments are of open-type vessels — deep and shallow plates, dishes, and also a few closed forms, most often fine singled-handled trefoil-mouth pitchers.

Glazed Wares are mostly shallow or deep plates and, very seldom, small trefoil pitchers. Glazed vessels consist of two groups, with plain or spotted glazing. In the latter case, the glaze is most often colourless or pale yellow. Light- and dark-green-glazed vessels are much rarer. Plates with brown spotted glaze are relatively rare as well.

Sgraffito Ware includes only open plates. Unfortunately, the material is very fragmented, so the composition of incised underglaze ornament is difficult to determine. On the contrary, there are well-attributable vessels in fine, spiral, and developed style. Especially rare are champlevé vessels, though painted sgraffito ware is almost absent (there is a single fragment of it).

The most widespread are plates of the so-called Bulgarian Sgraffito Ware. Their underglaze ornamentation is characterized by combed bands of wavy lines between one, two or more incised concentric lines. In most cases colourless glazing covers white engobe to become pale-yellow or pale or dark green after firing.

Painted Glazed Wares consists of mainly plates, and, less frequently, small pitchers with trefoil mouth or spout. There are two distinct groups.

The first group consists of plates with green and brown glaze-painting on white engobe: concentric or radial lines, spirals, or oblique lines at the edge of the neck. Transparent glaze is applied after the first firing. This group is called “Green and Brown Painted Wares.”

A variety of the first, the second group is represented by vessels with green and brown glaze-painting on white engobe, mostly of spirals, volutes, and very often shapeless spots. The rest of the

surface remained unglazed. The form, technique, and composition of paintings are absolutely the same as on Byzantine Glazed White Ware from the late eleventh and twelfth century.

This group of painted glazed ware meets with most exact technological and decorative parallels among the so-called Bulgarian Painted Sgraffito Ware, which again does not have full glazing, but only applied to incised underglaze decoration. Therefore, in our research on ceramic wares from medieval settlement near the village of Diadovo we supposed local origin of this painted ware group, which was later supported by M. Manolova. It is likely that this group of vessels was made at the same pottery workshop as the Bulgarian Painted Sgraffito Ware.

С. Г. БОЧАРОВ
А. Н. МАСЛОВСКИЙ

**ПАРАДНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XIV вв.**

Две группы керамики, отмеченные на памятниках Золотой Орды, можно связывать с продукцией Константинополя. Степень их родства в настоящий момент определена быть не может в силу того, что в их производстве использовались различные глины, а разница в ассортименте не позволяет выявить значимые технологические признаки общие или различные для этих двух групп. Однако нельзя не отметить определенно-го стилистического сходства в орнаментальных элементах.

Первая группа представлена почти исключительно кувшинами. Формовочная масса не содержит заметных неглинистых примесей. Черепок кирпично-красного цвета.

Сосуды покрыты глазурью с двух сторон. Внешняя сторона кувшинов покрыта сложным орнаментом с сочетанием элементов в технике сграффито и «в резерве». Кувшины имитировали по форме металлические сосуды. Это подчеркивает рельефность орнамента, выделенная придонная часть тулова усечено-конической формы, расширяющаяся книзу, и псевдо-заклепки. Данная керамика редкий пример, когда средневековая керамика отражена в памятниках изобразительного искусства и письменных источниках. Само появление этой керамики связано с обнищанием византийской аристократии. Группа выделена в Причерноморье М. Г. Крамаровским. Наибольшее число находок происходит из Каффы, Судака, Белгорода-Днестровского, Азака, Варны. Однако они отмечены также в Нижнем Поволжье, Уеке, Болгаре, Самосдельском городище и даже сельских поселениях округи Азака и Закубанья. И в дальнейшем география её распространения на территории Восточной Европы будет расширяться. Малочисленность находок отчасти может быть объяснена кратковременностью поступления таких кувшинов на территорию Восточной Европы. Все находки могут быть датированы в пределах последних десятилетий XIII – первой трети XIV вв. Но и в этот период ввоз продукции происходил спорадически. Если для Константинополя поливные кувшины были признаком оскудения, то для горожан Восточной Европы напротив подобная керамика была признаком материального достатка.

Вторая группа керамики константинопольского производства распространяется около середины XIV в. (совместные находки обеих групп керамики отмечены в единичных комплексах). Эта группа керамики хорошо известна и представляет собой тонкостенные сосуды из глины с небольшой естественной примесью дресвы. Черепок кирпично-красного цвета. Поверхность сосуда покрыта глазурью с обеих сторон почти полностью. Ассортимент представлен в ос-

новном кубками на низкой ножке двух размерных типов и колоколовидными плоскодонными чашечками, также двух размерных типов. Орнаменты часто выполнены «в резерве» или с выскабливанием отдельных элементов. Часты изображения льва, птицы, шахматной клетки, различных розеток. Подобная керамика, вероятно, производилась крупными партиями. Отмечены также изделия с изображением корабля или европейского герба, которые встречаются гораздо реже и, возможно, изготовлялись по ограниченному конкретному заказу. В Северном Причерноморье эта группа отмечена на всех значимых памятниках, существовавших во второй половине XIV в. Встречена она даже на некоторых сельских поселениях, но массовым её ввоз не был. В Азаке она встречается только в некоторых богатых комплексах. Причем, как правило, в таких комплексах, не только в Азаке, но и в Каффе встречаются фрагменты не менее двух сосудов. В отличие от других групп византийской поливы, эта керамика не распространялась во внутренних районах Восточной Европы. Этот факт требует объяснения, и таких объяснений в настоящее время может быть предложено несколько.

SERGEI BOCHAROV
ANDREI MASLOVSKII

**PARADE GLAZED WARE OF CONSTANTINOPOLITAN
PRODUCTION AT EASTERN EUROPEAN SITES
IN 1250–1400**

There are two groups of pottery discovered at the Golden Horde sites that might be interpreted as products made in Constantinople. At present we cannot establish their relation degree because this production used various fabrics, and the different range of goods makes the determination of common and

uncommon technological features impossible. However, a certain stylistic similarity of design elements should be noticed.

The first group consists of almost only pitchers. Their fabric does not contain visually recognizable non-clay inclusions. The shard is of brick-red colour. The glazing is double-sided. The outer side has a complicated ornamentation combining sgraffito and excised elements. The pitchers imitated the form of metal vessels, which is emphasized by their relief ornamentation, pronounced truncated conical low body that widens at low, and pseudo-rivets. This ware forms a rare case of medieval pottery reflected in fine art and written sources. The appearance of this ware was related to the impoverishment of the Byzantine aristocracy. In the Black Sea area, the group in question is singled out by M. G. Kramarovskii. Most of the finds originate from Kaffa, Sudak, Belgorod-on-the-Dniester, Azak, and Varna, however, they are also documented in the Lower Volga area, Ukek, Bolgar, Samosdelka fort, and farming settlements in vicinity of Azak and Trans-Kuban area. Future researches would probably enlarge the distribution area in Eastern Europe. The small number of finds might be related to the shortness of the period when such pitchers were delivered to Eastern Europe. We can date all the finds to the last decades of the thirteenth and first third of the fourteenth century. However, there was only sporadic importation of the vessels within the said chronological limits. In case of Constantinople, glazed pitchers were a sign of impoverishment, but for the Eastern Europeans, on the contrary, of their material wealth.

The second group of ware manufactured in Constantinople occurred ca. 1350. Joint finds of both ceramic groups are documented in a few assemblages. The second group is well researched, consisting of thin-walled vessels with a small natural inclusion of grit in the fabric. The shard is of brick-red colour. The glaze covers both sides of the vessels almost totally. The set of vessels includes mainly low-foot beakers of two dimensional types, and bell-shaped flat-bottomed cups of two dimensional

types. Decorations are often of excised or scratched out elements. There are often images of lions, birds, chequers, and various rosettes. Such pottery was probably made in big batches. There also are vessels showing a ship or European coat-of-arms, but in a very few cases, so they might be produced as a single restricted order. In the northern Black Sea area, this group occurred at all important sites from 1350–1400, including some rural settlements. However, its importation was not large-scaled. In Azak, it appeared in a few rich assemblages. Moreover, such complexes not only in Azak but also in Kaffa usually contained fragments of at least two vessels. In contrast to other groups of Byzantine glazed wares, this one was not widespread in continental areas of Eastern Europe. This fact needs to be explained, and now we can offer several explanations.

С. Г. БОЧАРОВ
А. Н. МАСЛОВСКИЙ

**СВЕТЛОГЛИНЯНАЯ КУХОННАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
ВИЗАНТИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
НА ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XIV вв.**

Среди поливной керамики византийского производства, поступавшей в Восточную Европу в золотоордынский период, особняком стоит группа светлоглиняной керамики, представленная почти исключительно кухонной посудой. Глина, использованная для её изготовления, имеет примесь рыхлых частиц коричневого цвета (пластинчатых или удлиненной формы). В формовочную массу этой кухонной керамики для жаропрочности добавлялась мелкая дресва, состоящая из смеси минералов, с преобладанием кварца. Черепок имеет

светло-бежевую окраску. Часто внешний слой приобретал розовый цвет.

Основу ассортимента составляли горшки, представленные несколькими типами. На два порядка реже встречаются низкие котлы-жаровни с четырьмя петлевидными горизонтальными ручками. Из такой же формовочной массы изготовлено небольшое количество кувшинов со сливом, небольших сосудов типа кружек, плоскодонных кубков и миниатюрных сосудов. На кухонную керамику глазурь желтого цвета наносилась по черепку.

Столовая керамика составляет очень небольшой процент находок. При этом она очень разнотипна. В отличие от кухонной, столовая керамика не ввозилась целенаправленно. Отмечены чаши небольшого размера, одно- и двуручные кувшины. По технике изготовления поддонов чаши не отличаются от продукции других византийских центров. Для столовой керамики, несмотря на светлую окраску черепка, использовался белый ангоб. На чашах и кувшинах редко встречается орнамент в технике сграффито. Иногда чаши орнаментированы розетками или монограммой «АК». Для сосудов этой группы зафиксирована роспись вертикальными полосами ангоба.

Наибольшее количество керамики этой группы отмечено в материалах Азака. На некоторых раскопах она составляет до 20% всей поливной керамики. Отмечена она также в сельской округе Азака. В Крыму эта керамика выделяется плохо, однако можно отметить ее находки в Чембало, округе Херсонеса, Судаке. В Поволжье эта группа зафиксирована в Болгаре, Укеке, Мошаике. Наверняка при просмотре материалов с других памятников Поволжья удастся выделить её и в других пунктах. В отличие от Причерноморья, в Поволжье встречены пока только кухонные горшки, но, возможно, причина этого заключается в недостаточном объеме выделенных здесь материалов.

К сожалению, в настоящее время в нашем распоряжении отсутствует значительная по объему статистика временного распространения этой керамики по памятникам Восточной Европы. Сегодня мы можем оперировать хорошо датированными материалами из археологических раскопок Азака. Наиболее многочисленна эта группа керамики в комплексах конца XIII – первой четверти XIV вв. В отличие от других групп византийской поливной керамики, она поступала в Северное Причерноморье вплоть до конца XIV в., хотя и в значительно меньшем количестве.

Особый интерес данной группе посуды придает тот факт, что это единственная импортная кухонная поливная керамика, отмеченная на территории Золотой Орды. Она вызвала местные подражания в Азаке. Само распространение импортной кухонной посуды свидетельствует о высоком уровне материального достатка горожан Золотой Орды.

**SERGEI BOCHAROV
ANDREI MASLOVSKII**

**GLAZED LIGHT-CLAY KITCHEN WARE
OF BYZANTINE PRODUCTION
AT EASTERN EUROPEAN SITES IN 1250–1400**

Glazed wares of Byzantine production that came to Eastern Europe in the Golden Horde period included a specific group of light-clay pottery consisting of almost only kitchen ware. It was made of fabric with inclusions of porous brown particles (flaky or elongated), and also fine grit of a mixture of minerals, mostly quartz, to improve heat resistance. The clay is light beige, with its outer layer often pink-coloured.

The most part of the vessels were pots of several types. The number of low brazier-cauldrons with four horizontal loop-han-

dles is a hundred times less. A small number of spouted pitchers, fine mug-shaped vessels, flat-bottomed cups, and miniature vessels are made with the same paste. The kitchen ware is covered with yellow glaze on the ceramic core.

Tableware forms a very small percentage of finds, but it includes many various types. In contrast to the kitchen ware, it was not imported purposefully. There are small-size bowl and one- and two-handed pitchers. The ring-feet of bowls are technologically similar to products of other Byzantine centres. The tableware is white-engobed despite its light shard. The bowls and pitchers rarely have sgraffito ornamentation. The bowls are sometimes decorated with rosettes or monogram AK. Some vessels in this group are decorated with vertical engobe stripes.

The greatest quantity of such ware is documented in the materials of Azak. At some excavation trenches, it makes up to 20% of glazed wares. It is also discovered in farming area in vicinity of Azak. In the Crimea, this ware is poorly attributable. However, it should be noted that it is discovered in Cembalo, vicinity of Chersonesos, and Sudak. In the Volga region, this group appears in Bolgar, Ukek, and Moshaik, and would certainly be discovered by analysis of materials from other sites. In contrast to the Black Sea region, the Volga finds include only cooking pots, though the probable reason is a small volume of the materials under study.

Unfortunately, at the moment there is no large-scale statistics of the chronological distribution of the wares in Eastern European sites. Today we can work with well-dated materials from the archaeological excavations of Azak. This ceramic group is especially numerous in the assemblages from the late thirteenth and first quarter of the fourteenth century. However, in contrast to other groups of Byzantine glazed wares, it was imported — but in much smaller quantity — to the Black Sea area to the late fourteenth century.

This group of Byzantine glazed ware is particularly interesting for it was the only imported glazed kitchen ware discovered

in the Golden Horde territory. It brought to life local imitations in Azak. The popularity of imported kitchen ware itself indicates the wealth of the Golden Horde townsfolk.

С. Г. Бочаров
А. Н. Масловский
А. Г. Ситдигов

**СТОЛОВАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
ВИЗАНТИЙСКИХ ЦЕНТРОВ КАК ХРОНОИНДИКАТОР
ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА, ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XIV вв.**

Поливные сосуды с простым орнаментом, произведенные в провинциальных византийских центрах и начавшие поступать в Северное Причерноморье в середине XIII в., стали первой столовой поливной керамикой, доступной для широкого круга потребителей и, в силу своей дешевизны, распространенной. В свою очередь, массовость поступления этой керамики и относительно недолгий срок импорта продукции отдельных центров делает её хорошим хроноиндикатором. Технологически все эти группы керамики близки друг к другу. Поддоны изготовлены в общей технике. Низкая монолитная заготовка наклеивалась на тонкое плоское дно. Затем в заготовке делали сегментовидную в профиле выемку. Со временем происходило усложнение профиля выемки с увеличением высоты и уменьшением диаметра поддона. К середине XIV в. поддон превратился в низкую ножку с выемкой сложной профилировки. Такие сосуды встречаются редко, поскольку примерно в это время прекращается импорт дешевой столовой посуды в Восточную Европу.

Приблизительно за сто лет изменились центры, откуда импортировали эту категорию вещей. В начале – середине XIII в. в Северном Причерноморье распространяется продукция двух центров, описанная И. В. Волковым в составе «комплекса Кабарди». Наиболее примечательны сосуды первой, более многочисленной группы. Формовочная масса насыщена мелкими чешуйками слюды. Глазурь ярко-желтая, иногда оранжевая. Орнаменты чаще ограничены небольшими концентрическими окружностями в центре чаш. Реже встречается одиночная волнистая линия между двух прямых, три узкие, расходящиеся от центра ленты и пр. На внешней стороне бортика иногда отмечена простейшая роспись ангобом. Одновременно из нескольких центров начинают поступать кувшины с росписью вертикальными полосами ангоба. Этот керамический комплекс распространяется в Северном Приазовье, Азаке, Закубанье, Укеке, Болгаре, Херсонесе, Судакe, Посидиме. Уже к концу XIII в. керамика этих центров постепенно исчезает.

В последней четверти XIII в. постепенно распространяется продукция других гончарных центров. Среди них основную массу находок даёт одна группа, отличительной особенностью формовочных масс которой является наличие рыхлых коричневых частиц размерами от долей миллиметра до 2–3 мм и включений мелкого песка. Происходит увеличение типового разнообразия сосудов. Орнаментика, по крайней мере, части сосудов несколько усложняется. При сохранении всех вышеописанных орнаментальных композиций появляются узкие лепестки и ленты, заполненные штриховкой, стилизованные «ростки», вписанные в вогнутые «облака». Появляется орнаментация цветными пятнами (марганцевым или зеленым). Сочетания двух цветов расцветки на одном сосуде единичны. Наибольшего распространения сосуды с орнаментацией пятнами марганца получают в первой четверти XIV в. Сосуды, произведенные в

этом центре, получают широкое распространение в Азаке, Маджаре, Болгаре, Укеке, на территории Руси, в Закубанье. Неясно, насколько широко они распространились в Крыму. Принципиально возможна более узкая датировка для отдельных серий изделий.

К середине XIV в. продукция провинциально византийских центров на территории Золотой Орды исчезает. Здесь сказался ряд факторов, главным из которых стало постепенное развитие местного производства, в особенности в юго-восточном Крыму, однако процесс вытеснения византийской керамики местной ордынской продукцией растянулся на длительный период.

Наиболее вероятным представляется происхождение основной массы рассматриваемой продукции с территории Трапезундской империи — на это указывает ряд косвенных доказательств.

SERGEI BOCHAROV
ANDREI MASLOVSKII
AIRAT SITDIKOV

**GLAZED TABLEWARE FROM BYZANTINE PROVINCIAL
CENTRES AS A CHRONOLOGICAL INDICATOR
FOR CRIMEAN, BLACK SEA, AND EASTERN EUROPEAN
SITES IN 1250–1400**

Simply ornamented glazed ware from Byzantine provincial centres appeared in the Black Sea area in the mid-thirteenth century. It was the first glazed tableware accessible to a wide range of customers, widespread because of its cheapness. Moreover, abundant importation of the ware and a relatively short period of its existence make it a valuable chronological indicator. Technologically, all these ceramic groups are close to each other.

Their ring-foot is made with a common technique and then pasted to a thin flat bottom. Then a part of the blank was removed to leave a segment-like profile. Later on, the profile became complicated with increased height and decreased ring-foot diameter. By the mid-fourteenth century, the foot-ring turned to a low stem with a complicatedly profiled recess, but such vessels are rare, because the importation of this cheap tableware to Eastern Europe ceased about that time.

During a century, the centres where this ware was imported changed. Initially, in the mid-thirteenth century, the northern Black Sea area got products of two centres documented by I. V. Volkov as the Kabardi Complex. The most notable are vessels of the first and the largest group. Their fabric is saturated with fine mica scales. The glaze is bright yellow or sometimes orange. The ornamentation is more often restricted to fine concentric circles in the centre of the bowl. A single wavy line framed with two straight lines, or three narrow radiate stripes are rarer. The simplest engobe painting on the outer side of the wall is sometimes documented. The importation of pitchers with vertical engobe stripes painting started simultaneously. This ceramic complex distributed in the northern Azov Sea area, Azak, Trans-Kuban area, Ukek, Bolgar, Chersonesos, Sudak, and Posidim. Although ceramic ware from these centres disappeared by the late thirteenth century as a gradual process.

In the last quarter of the thirteenth century, products from other pottery centres gradually appeared. The bulk of such finds is a group of specific fabric with inclusions of mellow brown particles measuring from a fraction of a millimetre to 2.3 mm and fine sand. More types of vessels appeared. The ornamentation of at least some vessels became more complicated. All the previously mentioned ornamental patterns survived, though narrow petals and ribbons filled with hatching and stylized sprouts inscribed into concave clouds appeared. Spotted design in manganese or green developed. The combination of two colours on the same vessel is

rare. The vessels ornamented with manganese spots were especially popular in 1300–1325. The vessels produced in the same centre were widely distributed in Azak, Madzhar, Bolgar, Ukek, Rus' and Trans-Kuban areas. It is not quite clear whether they were widespread in the Crimea. Some of this ware series might be narrow-dated.

The products of Byzantine provincial centres disappeared in the Golden Horde territory by the mid-fourteenth century, because of several factors. The main reason was the gradual development of local production, especially in the south-eastern Crimea. However, the displacement of Byzantine ware by local Golden Horde products stretched over a long period.

Most probably, the main bulk of the products in question originated from the Trebizond Empire: this conjecture might be backed by several indirect arguments.

Т. В. ВАРДАНЕСОВА

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ АРМЕНИИ

Сегодня изучение средневековой поливной керамики и ее классификация являются одной из первоочередных задач в исследовании любого полевого материала из раскопок на территории Армении и в соседнем Арцахе. Из года в год объем этого материала увеличивается, потому необходимо выявить ряд критериев, связанных с классификацией и хронологией культурного слоя, по которым было бы возможно ориентироваться непосредственно во время раскопок. Зачастую именно поливная керамика служит единственным ориентиром в периодизации различных участков и культурных слоев любого городища. Специфика археологических раскопок в Армении

заключается в том, что средневековый слой, за редким исключением, присутствует практически на любом раскопе, а сложность этого средневекового материала — в том, что основная часть керамики находится во фрагментарном состоянии, а археологически целые формы встречаются крайне редко. Керамические изделия по возможности реконструируются, однако этого недостаточно для воссоздания полной картины их ассортимента. По этой же причине именно поливная керамика является наиболее удобным и наиболее характерным материалом для ориентации во времени и иногда и в пространстве, т. к. хорошо известна роль археологической керамики как источника объективных данных о составе населения, экономике, быте, культуре, и исторических процессах в средневековом обществе.

Авторы монографии «Армения в культурном контексте Ближнего Востока» предлагают следующую хронологию всей средневековой керамики:

1. Раннесредневековая керамика, имеющая ярко выраженные традиции поздней антики (II – V вв.);
2. Раннехристианская керамика (IV – VIII) вв.;
3. Керамика периода Багратидов (IX – XI вв.);
4. Керамика XI – XIII вв.;
5. Керамика первой половины XIII – XIV в.

Более поздняя керамика хуже изучена. Ранняя керамика IV – VIII вв, в частности, поливная, практически не изучена и плохо определяется. Начиная с XI в. в связи с общим подъемом экономики и культуры в Армении можно уже говорить о массовом производстве поливной керамики, что приводит к резкому увеличению ее массы в раскопе. IX – XII вв. были для стран Востока этапом блестящего развития глазурованной керамики. Именно поэтому IX в. является рубежом, начиная с которого технологии производства поливной керамики динамически изменяются и хорошо прослеживаются даже на небольших фрагментах без учета общих форм посуды.

Многие коллекции средневековой поливной керамики Армении описываются по типологии, выработанной на материале неполивной и поливной керамики IX – XIII вв. Двина, Гарни и Оран-Кала. В общей массе поливной керамики Армении группа IX – X вв. в целом хорошо определяется по аналогии с керамикой Байлакана (Оран-Кала), которая выделена по нумизматическому материалу, а так же по схожей поливной керамики в той части Двина, которая была заброшена после землетрясения 893 г., что позволяет уточнять хронологию и по материалам Двина. Керамика XI – XIII вв. определяется в общем контексте распространения общих принципов украшения поливной керамики и развития этих технологий в Закавказье и Иране.

TATYANA VARDANESOVA

**ON THE PROBLEM OF MEDIAEVAL
GLAZED WARES IN ARMENIA**

Today the study and classification of medieval glazed wares is one of the priority tasks for any analysis of field research materials excavated in Armenia and neighbouring Artsakh. The volume of the materials increases annually, so it is very important to set up criteria related to the cultural layer classification and chronology capable of making guidelines for the excavator. Glazed wares often form the only indicator to establish chronological periods of different areas and cultural layers of any fortified site. The specificity of archaeological excavations in Armenia is that medieval layer exists at almost all sites but a very few exceptions, and the complexity of this medieval material is that the main bulk of the ceramic wares is fragmented, with extremely rare archaeologically complete forms. Ceramic products are reconstructed when possible, which is not enough

to imagine total set of forms. Therefore, glazed wares are the most convenient and most typical material determining the time and sometimes the place, because archaeological ceramic ware's role as a source of objective information on the population structure, economy, daily life and culture, as well as historical processes in medieval society is well known.

The authors of *Armenia in the Cultural Context of East and West: Ceramics and Glass (4–14th Centuries)* (Yerevan, 2009) suggest the following chronology of all mediaeval ceramic wares, quite generalized in my point of view:

1. Early mediaeval group with striking late antique features, from 100–500;
2. Early Christian group, 300–800;
3. Bagratid group, 800–1100;
4. 1000–1300 group;
5. 1200–1400 group.

Later clay ware is studied worse and requires additional definitions. The early medieval and early Christian wares from AD 300–800, particularly glazed vessels, are almost not studied and poorly recognizable. From the ninth century on general economical and cultural growth in Armenia allows one to discuss mass glazed wares production resulted in quick doubling of its finds in excavations. The period of 800–1200 was a stage of brilliant development of glazed wares in eastern countries. Therefore, the ninth century is the milestone when glazed ware production technology changed and became well-traceable at finest fragments (except for the pottery forms).

Many collections of medieval Armenian glazed ware are described according to the typology developed for unglazed and glazed wares from 800–1300 from Dvin, Garni, and Oran-Kala. 800–1000 ware is generally well determinable among the main bulk of Armenian glazed wares according to the parallels to ceramics from Bailakan (Oran-Kala), attributed by coins, and similar glazed ware from the area of Dvin which was abandoned after

893 earthquake, so cross-checking by the Dvin materials is also possible. 1000–1300 ware is definable in the context of general distribution and development of the decorative techniques in Transcaucasia and Iran.

И. Врум

ПРОСЛЕДИМ ЗА БОЛЬШИМ БЕЛЫМ МОНСТРОМ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕЛОГЛИНЯНОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ

Тема моего доклада — изучение белоглиняной поливной керамики («Glazed White Wares», «GWW») в Восточном Средиземноморье и Причерноморье с целью выявить модели производства, распространения и использования этих находок как в широкой географической перспективе, так и в рамках поселения. Основное внимание будет уделено, в частности, находкам ранне- и средневизантийского времени, приблизительно VII – XII вв. христианской эры.

Данное исследование ответвилось от исследовательского проекта «Материальная культура, потребление и социальные перемены: новые подходы к изучению Восточного Средиземноморья в византийское и османское время» 2010–2015 гг. в рамках программы «VIDI», при финансовой поддержке Нидерландской организацией научных исследований (NWO) (дополнительную информацию см.: <http://archaeology.leiden.edu/research/neareast-egypt/byzantine-ottoman>). В докладе будут рассмотрены несколько примеров с четырех памятников — Бутринта (Албания), Афин (Греция), Эфеса и Тарса (Турция) — изучавшихся в рамках проекта.

JOANITA VROOM

**TRACING THE GREAT WHITE MONSTER:
THE DISTRIBUTION AND USE OF GWW**

The subject of my paper is the analysis of the Glazed White Wares (GWW) in the eastern Mediterranean and in the Black Sea regions. This analysis aims to reveal information on patterns of production, distribution and use, both in a larger geographical perspective and within a settlement. The focus will be in particular on finds from the Early Byzantine and Middle Byzantine periods, ranging from circa the seventh to twelfth centuries after Christ.

This study is an offspring of the VIDI research project “*Material Culture, Consumption and Social Change: New Approaches for Understanding the Eastern Mediterranean during Byzantine and Ottoman Times*,” which is financed by the Netherlands Organization of Scientific Research (NWO) during the years 2010–2015 (see for more information: <http://archaeology.leiden.edu/research/neareast-egypt/byzantine-ottoman>). During my presentation a few case studies will be discussed from the four studied sites within this project: Butrint in Albania, Athens in Greece, Ephesus and Tarsus in Turkey.

Н. В. Гинькут

**РЕДКАЯ ГРУППА ПОЛИВНЫХ ЧАШ
XIV – НАЧАЛА XV ВВ. ИЗ РАСКОПОК
ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО**

Поливная керамика является массовым археологическим материалом при раскопках крепостей и городов Таврики XIV – XV вв., однако материал в основной массе своей имеет широкие даты, и хроноиндикатором для сужения дат часто

выступают малочисленные группы поливного импорта, имеющие специфические особенности в морфологии или декоративном оформлении. Для памятников XIV в. Крымского полуострова такими индикаторами наряду с группами восточного и западного импорта выступают различные группы материалов из Византии или находящихся под византийским влиянием центров. О значении византийского импорта для региона уже не раз говорилось в работах исследователей. В этот период в самой Византии и регионах, находящихся под ее влиянием начинают действовать множество локальных мастерских, зачастую выпускающих продукцию со схожим набором орнаментальных композиций, иногда даже с близкой морфологией сосудов. Также в этот период наблюдаются общие тенденции в развитии поливного производства. Можно говорить в таком случае об определенном «влиянии времени» и моде для посуды данного региона. В этой связи среди находок поливной керамики из раскопок крепости Чембало выделяется небольшая группа тонкостенных чаш со специфической морфологией дна.

Эта немногочисленная группа выделяется рядом устойчивых признаков, прежде всего морфологических, — вогнутым дном на слегка расширяющемся кольцевом поддоне. Несомненно, с этим связана единая схема композиционного решения орнаментации — в центральной части дна медальон, подчеркивающий его необычную форму, состоящий из окружности или окружностей и заполненный декором. Орнаментация сосудов содержит христианские и светские элементы. Внешняя поверхность чаш декорирована вертикальными стилизованными каннелюрами. Декор выполнен в технике «сграффито» толстым и тонким резцом. Все сосуды этой небольшой группы из крепости Чембало покрыты внутри светлой лимонной глазурью. Глина сосудов красных тонов с включениями песка. За время раскопок на крепости было найдено всего четыре экземпляра подобных чаш. Один

экземпляр — археологически целый, присутствовал в могиле двухаксидной церкви в захоронении женщины с врожденными патологиями и, вероятно, имел особое значение для покойной. Три других сосуда фрагментарны и были найдены в разных районах крепости.

Аналогии этой керамики немногочисленны. Встречается она в Константинополе, Фессалониках, а также в Северном Причерноморье — в Монкастро. Поэтому на сегодняшний день ареал распространения подобной керамики сосредоточился в пределах активной деятельности итальянских купцов: Фессалоники — Константинополь — Монкастро — Чембало.

Хронологические рамки находок этих чаш в крепости Чембало укладываются во вторую половину XIV — начала XV вв. С XIV в. связаны и аналогии из других центров.

Небольшое количество находок, и их ареал распространения не позволяют нам говорить о массовом, широком производстве керамики с такой оригинальной формой поддона. Также трудно судить о мастерских, выпускавших эту продукцию, и их количестве. Возможно, что их ареал был сосредоточен в районе Причерноморского бассейна. Однако данная небольшая группа выступает хорошим хроноиндикатором для археологических слоев Чембало, а также свидетельствует о многообразии форм поливной керамики этого периода и о характере ее использования.

NATALIYA GINKUT

**A RARE GROUP OF GLAZED BOWLS
FROM THE FOURTEENTH AND EARLY FIFTEENTH
CENTURY EXCAVATED IN THE GENOESE FORTRESS
OF CEMBALO**

Although glazed wares form mass archaeological material uncovered by excavations of fourteenth- and fifteenth-century

castles and towns in the Crimea, the main bulk of the material possesses wide chronology, so often one has to use small groups of imported glazed wares with specific morphological and decorative features as chronological indicator to make the dates narrow. In case of fourteenth-century sites in the Crimean Peninsula such indicators, along with groups of eastern and western imports, are various groups of materials from Byzantium or centres under its influence. The researchers have often paid attention to the significance of Byzantine imports for the region. In the period in question, Byzantium and regions under its influence launched a multitude of local workshops, which often produced vessels possessing a similar set of ornamental compositions and sometimes morphologically similar. In this period, there also were general trends in the development of glazed wares. We can observe a kind of “time effect” and a fashion for vessels in the given region. In this connection, among the finds of glazed wares excavated in Cembalo fortress there is a striking but small group of thin-walled bowls with a specific bottom morphology.

This small group has a set of stable features, first of all morphological: concave bottom and slightly flaring ring-foot. It certainly caused the single ornamentation pattern with a medallion of a circle or circles filled with designs located in the centre of the bottom, thus underlining its unusual form. The vessels are ornamented with Christian and secular elements. The outer surface of bowls is decorated with stylized vertical fluting. Sgraffito decoration is drawn by thick and thin cutting tools. All the vessels of this small group from Cembalo fortress are covered with light lemon glaze. Their fabric is of tones of red and contains sand inclusions. The excavations of the castle uncovered four specimens of such bowls. One of them, archaeologically complete, was found in the grave in a bi-apsidal church, in a burial of a woman who had congenital pathologies, probably having a special importance for her. Three more vessels are fragmented and discovered in different areas of the castle.

There are a few parallels to the ware in question — in Constantinople, Thessalonike, as well as in the northern Black Sea area (Moncastro). Therefore, so far the distribution area of the ware in question concentrates where Italian merchants did active trading: in Thessalonike — Constantinople — Moncastro — Cembalo.

Chronological framework of these bowls in Cembalo fortress is within the second half of the fourteenth and early fifteenth century. Their parallels in other centres are also related to the fourteenth century.

The small number of the finds in question and their distribution area do not allow one to suppose that the production of the ware with such an original form of the bottom was mass and wide. The workshops (and their number) where these products were produced are also hardly attributable. Their area might be located near the Black Sea. However it might be, this small group forms a chronological indicator for archaeological layers of Cembalo castle and shows the diversity of glazed ware forms in the period in question and the type of their use.

Н. В. Гинькут
Т. Ю. Яшаева

**НЕКОТОРЫЕ ГРУППЫ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ
ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК
К. Э. ГРИНЕВИЧА В БАЛКЕ БЕРМАНА**

В 1927–1928 гг. К. Э. Гриневич проводил археологические раскопки на территории ближней округи Херсонеса. В балке Бермана, расположенной в южной части Гераклеийского полуострова, исследователем было открыто средневековое поселение, построенное на мощном комплексе античного времени. Верхние слои поселения содержали археологический матери-

ал, относящийся к поздневизантийскому периоду. Надежным хроноиндикатором является поливная керамика — сосуды открытого типа нескольких групп импортов: «Zeuxippos Ware Subtypes», «палестинского круга», «византийского круга». Их датировка укладывается в пределы второй половины XIII — XIV вв.

Среди встреченной во время раскопок поселения продукции мастерских т.н. «византийского круга» выделяется немногочисленная группа сосудов открытого типа с декорированием пятнами марганца «в набрызг», либо подцветкой марганцевыми пятнами. Группа представлена несколькими экземплярами. Наибольший интерес представляет глубокая чаша на невысоком кольцевом поддоне с вертикальными псевдо-ручками в верхней части. Остальные фрагменты относятся к чашам или мискам, имеющим стандартную для этого периода форму. Бытование данной группы керамических изделий традиционно относят ко второй половине — концу XIII — первой половине XIV в. Мастерские, производившие керамику с подобной декорировкой, известны в районе Константинополя. Аналогии имеют широкий ареал от Александрии и Средиземноморья до Причерноморских памятников этого периода. Выявлены подобные сосуды и в поздневизантийском Херсоне и его предместье на Гераклеяском полуострове, а также в генуэзской крепости Чембало. В продукции местного производства использование марганцевой подцветки для усиления декора наблюдается в XIV в. К группе импортом относится и один фрагмент ручки кувшина производства одного из итальянских центров группы «Proto-Maiolica» второй половины XIII — середины XIV в.

Многочисленными являются находки фрагментов поливной керамики центров юго-западной Таврики. Эти изделия имеют красную глину с характерными для региона примесями. Представлены они следующими группами сосудов открытого типа: «Monochrome Sgraffito Ware», в том числе с монограм-

мами; «Brown and Green (Coloured) Sgraffito Ware»; керамика с подглазурной росписью ангобом, а также полихромная керамика, декорированная двузубым резцом. Такого рода керамика производилась во множестве локальных мастерских различных центров Средиземноморско-Причерноморского региона. Находки из балки Бермана подобны, а в некоторых случаях практически идентичны, некоторым группам локальной поливной посуды из раскопок крепости Чембало, производство поливных изделий в которой началось не ранее середины – второй половины XIV в. и продолжалось до третьей четверти XV в., меняя свой ассортимент. Пик этого производства этой монохромной керамики приходится на последнюю четверть XIV – первую четверть XV в.

Керамика с подглазурной росписью ангобом в средневековых крымских памятниках встречается в слоях XIV в. Круг аналогий керамики такого типа довольно широк и включает Средиземноморский и Причерноморский регионы. Керамические изделия из балки Бермана наиболее близкие аналогии находят в генуэзской крепости Чембало.

В поздневизантийский период присутствие поливной керамики отмечается на всех памятниках округа византийского Херсона. Однако полной аналогии набору материалов из балки Бермана на территории Гераклеяского полуострова в настоящее время не выявлено. Наиболее близкими по групповому и видовому составу являются экземпляры из раскопок крепости Чембало и хозяйственных ям в ее округе. Важно отметить, что в материалах раскопок рассматриваемого памятника не встречено испанской люстровой керамики, а также сосудов группы «Miletus Ware», присутствие которых стабильно отмечается практически во всех археологических комплексах Крыма, начиная со второй четверти – середины XV в. Отсутствие рассмотренных выше хроноиндикаторов, традиционных для поливных комплексов поздневизантийской Таврики, косвенно подтверждает тезис о существовании

поселения в балке Бермана во второй половине XIII – середине XV в.

Таким образом, представленная поливная керамика из раскопок поселения в балке Бермана не только расширяет топографию поздневизантийских памятников ближней округи Херсона, но позволяет предположить устойчивые связи жителей данного поселения с византийским Херсоном второй половины XIII – XIV в., а на более позднем этапе (во второй половине XIV – первой половине XV в.) — с достаточно значимой итальянской крепостью Чембало, расположенной на небольшом расстоянии от поселения и бывшей экономическим и культурным центром региона.

NATALIYA GINKUT
TATJANA YASHAEVA

**SOME LATE BYZANTINE GLAZED WARES EXCAVATED
BY K. E. GRINEVICH IN BERMANA RAVINE**

In 1927–1928 K. E. Grinevich conducted archaeological excavations in the close environs of Chersonesos. In Bermiana ravine at the south of the Gerakleiskii peninsula he discovered a medieval settlement built on the ruins of a considerable antique complex. The upper layers of the excavated site contained materials from the late Byzantine period. A reliable chronological indicator is glazed pottery, i. e. open-type vessels of several imported groups: Zeuxippus Ware Subtypes, Palestinian Circle Wares, and Byzantine Circle Wares, dating from 1250–1400.

Among the finds of so-called Byzantine circle pottery excavated at the settlement there was a striking group of open vessels with speckled manganese decoration or toned with manganese stains. The group comprises several specimens. The most interesting is a deep bowl with a low ring-foot and vertical pseu-

do-handles at the top. The other fragments are cups or bowls, which form is standard for the period. This ware is traditionally dated from the second half or late thirteenth to the first half of the fourteenth century. Vessels with such decoration were manufactured at workshops discovered in the area of Constantinople. Their parallels occurred in a wide area from Alexandria and the Mediterranean to the Black Sea. Similar vessels are known in late Byzantine Cherson and its suburb on the Gerakleiskii peninsula, as well as in the excavations of the suburb of Cembalo fortress. In the local production, manganese toning that enhanced the decoration occurred in the fourteenth century. The group of imported wares included a fragment of pitcher handle from an Italian centre of the Proto-Maiolica group from 1250–1350.

Numerous are the fragments of local glazed wares from local centres in the south-western Crimea. The fabric is red with inclusions typical of the region. These finds comprise the following groups of open vessels: Monochrome Sgraffito Ware (including vessels with monograms), Brown and Green (Coloured) Sgraffito Ware, Slip Painted Ware, as well as polychrome pottery decorated with bi-dental cutting tool. Such ceramics was made in various centres of the Mediterranean and the Black Sea regions, in a variety of local workshops. The finds from Bermana ravine resemble, and in some cases are the same as some local glazed wares excavated in the fortress of Cembalo, which started the production of glazed pottery in no earlier than the middle or second half of the fourteenth century and continued it to 1450–1475, though the assortment changed. The maximum production of monochrome wares was in 1375–1425.

In Crimean sites, the Slip Painted Ware occurred in the fourteenth-century layers. The circle of its analogies is quite wide including the Mediterranean and Black Sea areas. The closest parallels to the vessels from the settlement in Bermana ravine were excavated in the Genoese fortress of Cembalo.

Describing the entire set of glazed pottery excavated at the late Byzantine settlement in Berman ravine, it is necessary to make a few general remarks. In the Late Byzantine period, glazed wares occurred at every site in vicinity of Byzantine Cherson. However, a complete analogy to the set of materials from Bermana ravine has not been found in the Gerakleiskii peninsula. The closest in the group and type composition are the materials excavated at the fortress of Cembalo and storage pits in its vicinity. It is worth pointing out that the materials excavated at the settlement in Bermana ravine did not contain Spanish Lustre Ware and the Miletus Ware, which occurred in almost all archaeological assemblages in the Crimea from the second quarter or mid-fifteenth century. From the absence of these chronological indicators typical of complexes of glazed wares in Late Byzantine Crimea, we might suppose that the settlement in Bermana ravine existed in 1250–1450.

Therefore, the glazed ware excavated at the settlement in Bermana ravine and presented in this paper enlarges the topographic features of the sites in close vicinity of Cherson in the late Byzantine period, as well as allows us to suppose this settlement's stable connections with Byzantine Cherson in 1250–1400, and, at the later period (1350–1450), with a quite significant Italian fortress of Cembalo, located within a short distance from the settlement, which was an economic and cultural centre of the region.

И. Р. ГУСАЧ

ПРОДУКЦИЯ ПОСТ-ВИЗАНТИЙСКИХ ГОНЧАРНЫХ МАСТЕРСКИХ КРЫМА В АЗАКЕ

Находки азовских археологов, происходящие из раскопок на территории бывшей турецкой крепости Азак (конец XV – начало XVIII вв.), свидетельствуют о том, что сюда, вплоть до окончательного завоевания данного укрепления Россией в на-

чале XVIII в., довольно активно завозилась продукция керамических мастерских Крыма, которая была уже хорошо известна здесь со времен существования золотоордынского города Азака и итальянской колонии Тана (XIII – XV вв.). Основную массу находок (около 80% из всего найденного на памятнике керамического материала) составляет керамика юго-восточного Крыма (и в первую очередь поливная), изготовленная в таких известных средневековых центрах керамического производства, как Каффа, Судак, Солхат. Незначительный процент приходится на изделия керамических мастерских юго-западного Крыма. Вся эта продукция датируется османским временем (преимущественно XVII – началом XVIII вв.) и представляет собой массовую столовую и кухонную посуду (чаши, тарелки, вазы, кувшины, горшки с ручками и др.), а так же водолеи и предметы освещения (подсвечники и лампы) с прослеживающимися в них традициями гончарного ремесленного производства золотоордынского периода.

Однако для изделий пост-византийских гончарных мастерских Крыма, найденных в Азаке, характерны свои отличительные особенности (новая техника обработки поверхностей сосудов, новые морфологические признаки, внесение изменений в способы орнаментации и технологию обжига и т. д.). Освещению этих особенностей и посвящен данный доклад, в котором будет приведена классификация массовой поливной керамики юго-восточного Крыма из раскопок турецкого Азака последних лет.

IRINA GUSACH

THE PRODUCTS OF POST-BYZANTINE POTTERY WORKSHOPS OF THE CRIMEA IN AZAK

The finds by Azov archaeologists excavated in the territory of the former Ottoman fortress of Azak (late fifteenth to early

eighteenth century) testify that it quite actively imported — until Russia finally conquered this fort in the early eighteenth century — the products of Crimean workshops which had already been well known there from the age of the Golden Horde city of Azak and Italian colony of Tana (thirteenth to fifteenth century). The main bulk of finds (about 80% of ceramic material discovered on the site) is south-eastern Crimean ceramic wares (primarily glazed vessels), which was made in famous medieval ceramic production centres, such as Kaffa, Sudak, and Solkhat. A small percentage was made in south-western Crimean workshops. All these products date back to the Ottoman period (mostly seventeenth and early eighteenth century). There are mass table and kitchen wares (bowls, plates, vases, pitchers, handled pots, etc.), as well as water-jugs and lighting devices (candlesticks and lamps) showing traditions of the pottery production from the Golden Horde period.

However, the products of post-Byzantine pottery workshops in the Crimea found in Azak have their specific features (new surface treatment technique and morphological characteristics, changed ornamentation and firing techniques, etc.). These particulars are a subject of the given paper, which will also supply a classification of mass glazed wares manufactured in the south-eastern Crimea and recently excavated in Ottoman Azak.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
В ЛИТУРГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Использование керамических сосудов, в том числе поливных, в христианском культе не имело широкого распространения. Керамика — по преимуществу искусство

светское, и, кроме производства расписных икон, строго не регламентировалось. Мастера были свободны в своем творчестве. Однако влияние образного строя живописных керамических икон на декор некоторых видов гончарных изделий имело место, что объясняется двумя причинами: представлением об изначальной святости керамических икон, основанном на легенде о «божественной керамиде», и особым обрамлением керамических икон, в котором структурирующую роль играли геометрические элементы со скрытым смыслом. Ромбы, квадраты, восьмигранники и квадрифолии, в которых нередко помещались крестики, являли собой символы божественного покровительства, распространявшегося на четыре стороны света. Достаточное количество примеров дает орнамент средиземноморской керамики как средневековой, так и нового времени. От икон, равно как и от обрамляющих их декоративных полей, пошла мода на тайнопись на произведениях искусства. Так, ромбы с вписанными в них крестиками — характерный элемент декора византийской керамики XIII – XIV вв., которую находили как в Средиземноморье, так и в Причерноморье.

В настоящее время известны, по крайней мере, три вида керамических изделий, использовавшихся для христианских культовых целей:

- 1) белоглиняные расписные чашки IX в. с крестиками на дне;
- 2) сосуды-евлогии различной формы для святой воды или мирра;
- 3) блюда и чаши с монограммами, скрывающими благопожелательные изречения.

Чаши с крестиками на дне, согласно данным письменных источников, использовались для наливания молока, иногда с медом, которым поили после таинств евхаристии и миропомазания знатных новокрещенцев из варваров. Литургическая практика такого рода заключала в себе двоякую символику:

во-первых, взрослый человек как бы обращался в младенца и как таковой начинал питаться «молоком учения»; во-вторых, приобщение к правой вере было равносильно обретению рая, где, по ветхозаветным преданиям, в изобилии текут молоко и мед. Подобный обряд на практике применялся достаточно редко, чаще всего именно в IX в., позднее же, хотя никаких церковных запретов по этой части не было, вышел из употребления. Назначение этих чашек вполне объясняет места их обнаружения: большая их часть была найдена за пределами собственно метрополии — в Болгарии, Валахии, в Северном Причерноморье, в хазарском Саркеле, в городах Киевской Руси, то есть во всех тех регионах, где, начиная с IX в., активно действовали византийские миссионеры.

Сосуды XIII – XIV вв. с изображением св. Димитрия-воина могли предназначаться для воды, которую верующие черпали из агисмы, находившейся при базилике, посвященной св. Димитрию. Такое же назначение, вероятно, имели и чаши с монограммами Михаила. Разнообразный стиль исполнения этих монограмм указывает на то, что едва ли они были меткой ремесленника или владельца, но часть из них скорее могла свидетельствовать о культовом предназначении предметов, посвященных архистратигу Михаилу, и использовалась как вместилища для святой воды или мирра.

Особую группу керамики составляют блюда и чаши с монограммами «ТХ», найденные при раскопках Мангупского дворца, а также в цитадели Алустана и в крепости Чембало. В интерпретации этих литер существуют разные точки зрения. В одном случае «ТХ» расшифровывалась как монограмма имени одного из владельцев княжества Феодоро на Мангупе — Димитрия Хуйтани (XIV в.) или Техура (XV в.) (Н. В. Малицкий, А. Л. Якобсон, В. Н. Даниленко, А. И. Романчук, В. Л. Мыц). В последнее время В. Л. Мыц предполагает, что в данной монограмме скрыто адыгское пожелание *тхубо* — «на здоровье», поскольку среди правите-

лей Мангупа были этнические адыги. Не собираясь возражать против приведенных выше прочтений монограммы на мангупских сосудах, тем не менее, полагаю, что монограмма «ТХ» могла иметь не единственное возможное толкование. Выраженная греческой графикой монограмматическая тайнопись могла включать как имена собственные, так и изречения сакрального содержания. Если обратиться к византийской тайнописи, то «ТХ» раскрывается как «Христос — победное знамя (*или* твердыня)». В этом случае оказывалось бы, что христианские правители княжества Феодоро, заказывая себе пиршественную посуду, хотели, чтобы на ней был помещен не только знак их собственности, но и знак их веры.

VERA ZALESSKAIA

BYZANTINE GLAZED POTTERY IN THE LITURGICAL CONTEXT

Ceramic, particularly glazed vessels were rarely used in the Christian cult. Pottery was mostly secular art, produced without strict regulations, when it did not touch the manufacture of painted icons. The craftsmen were free in their creativity. However, the impact of figurative pattern of painted ceramic icons on certain pottery types was caused by two reasons: the original idea of the sanctity of ceramic icons based on the legend of the Holy Tile (Keramion) and a special framing of ceramic icons with the structure-forming function of geometric elements with a hidden meaning. Diamonds, squares, octagons, and quatrefoils, which often includes crosses, symbolised divine protection of the four sides of the world. Many examples come from the ornamentation of mediaeval and modern Mediterranean pottery. Icons, as well as their decorative framings, gave birth to the fashion of cryptography in works of art. This way, diamonds with inscribed crosses are a

typical feature of the Byzantine wares in 1200–1400 discovered both in the Mediterranean and in the Black Sea area.

So far we know at least three types of ceramic vessels used in Christian ceremonies:

1) ninth-century white-clay painted cups with crosses on the bottom;

2) eulogia vessels of various shapes for holy water or myrrh;

3) dishes and bowls with monograms that mean good wishes.

According to the written sources, bowls with crosses on the bottom contained milk, sometimes mixed with honey, to give it to drink to recently baptised noble barbarians after the Eucharist and anointing. Such a liturgical practice had a dual symbolism: first, an adult would turn into a baby and began to eat the “milk of learning,” and second, the introduction to the true faith was equivalent to the attainment of heaven, where, according to the Old Testament tradition, abundant milk and honey are flowing. Such a ritual was rarely practiced, most often in the ninth century, and later came out of use, despite of any church prohibition of it. The purpose of the cups in question explains the location of the finds: most of them were discovered outside the metropolis, in Bulgaria, Wallachia, northern Black Sea area, Khazarian fortress of Sarkel, and Kievan Rus’ centres, that is in all the regions where Byzantine missionaries were active from the ninth century on.

Thirteenth- and fourteenth-century vessels showing St. Demetrios the Warrior might be for water taken from holy well (*hagiasma*) at St. Demetrios’ basilica. The same probably was the purpose of bowls with monograms of Michael. Diverse style of their letters indicates that they probably were not artisan’s or owner’s marks; some of the letters might indicate the religious purpose of containers dedicated to Archangel Michael and used for holy water or myrrh.

A special group of pottery comprises dishes and bowls with monogram TX, excavated at the palace of Mangup settlement, as well as in the citadel of Aluston and in the fortress of Cembalo.

There are different interpretations of these letters, particularly as the name of a prince of Theodoro on Mangup Demetrios Chuitani (fourteenth century) or Techur (fifteenth century) (N. V. Malitskii, A. L. Iakobson, V. N. Danilenko, A. I. Romanchuk, V. L. Myts). V. L. Myts has recently suggested that this monogram contains Adyghe wish *tkhubo* (“for health”), because persons of Adyghe origin were among the rulers of Mangup. Although I am not going to dispute the above-mentioned deciphering on vessels from Mangup, yet I consider that TX might have several possible interpretations. Greek cryptography of the monogram could include both proper names and sacred phrases. In Byzantine cryptography, TX is deciphered as “Christ the victory banner (*or* stronghold).” If it was the case, when Christian rulers of the Theodoro principality ordered tableware for their feasts, they wanted to have on it both the signs of their property and their faith.

Г. Кан-Шахин

Э. Лафлы

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ПАФЛАГОНИИ

Адрианополь находился на главном западном пути от Центрально-Анатолийской равнины через горы к Бартыну и Черному морю. Памятник расположен в 3 км к западу от современного города Эскипазар, близ Карабюка, в юго-западной части римской Пафлагонии. Этот небольшой, но важный памятник контролировал важный маршрут и господствовал в богатом сельскохозяйственном регионе, центре виноградарства.

В 2003 г. Археологический Музей Эрэйли начал небольшие спасательные раскопки недавно обнаруженного главно-

го храма Адрианополя, известного как «ранневизантийская церковь В» и расположенного в центре древнего города. От нее сохранились только пол и остатки на уровне фундамента. Вероятно, церковь построена в начале VI в. н. э. и, возможно, существовала до VII в. Важнейшими открытиями в «церкви В», несомненно, стали напольные мозаики, изображающие персонификации четырех библейских рек: Евфрата, Тигра, Фисона и Геона.

В 2006 г. раскопки в Адрианополе начинает экспедиция Университета Докуз-Эйлул (Измир) во главе с доктором Э. Лафлы. Результаты обследований территории в 2005 г. подтвердили, что древний Адрианополь находился на месте нынешнего Эскипазара, а также обнаружили находки I в. до н. э. – VIII в. н. э. Было установлено, что ядро древнего города простиралась до современного села Будаklar и прилегающих к нему районов Хаджи-Ахметлер, Чайлы и Элелер, вдоль шоссе Эскипазар-Менген, на 8 км с востока на запад и на 3 км с севера на юг. Хора Адрианополя имела куда более обширные размеры.

Полевыми исследованиями 2005 г. на памятнике выявлены останки по крайней мере двадцати четырех зданий. Среди них — две бани позднеимперского времени, две ранневизантийские церкви, укрепленное сооружение византийского времени, предположительно, театр, сводчатое здание, купольное здание и несколько жилых усадеб с мозаичными полами. Раскопками 2006 г. открыты два лучше всего сохранившихся здания: здание «бани А» и «ранневизантийская церковь А». В 2007 г. раскопаны «баня А», «баня В», ранневизантийская вилла, ранневизантийское здание с апсидой, а также две римские монументальные пещерные могилы.

В целом, полевыми сезонами 2006–2008 гг. установлено, что на протяжении позднеимперского и ранневизантийского времени (V – VII вв.) Адрианополь являлся укрепленным региональным центром, который можно назвать «полисом»,

имевшим общественные здания и довольно большое население, а также большое число сельских жителей. К этому времени относится большая часть визуально различимых на поверхности остатков. В этом докладе речь пойдет о положении Адрианополя после VIII в. н. э., когда памятник был заброшен, и будут представлены фрагменты средневековой поливной керамики X – XIII вв.

GÜLSEREN KAN ŞAHİN
ERGÜN LAFLI

MEDIEVAL GLAZED POTTERY
FROM SOUTH-WESTERN PAPHLAGONIA

Adrianople is on the principal western route from the Central Anatolian Plain through the mountains to Bartın and the Black Sea. This site is located 3 km west of the modern town of Eskipazar, near Karabük, in south-western Roman Paphlagonia. It was a small but important site, controlling this major route and dominating a rich agricultural, especially viticultural, enclave.

In 2003, local Archaeological Museum of Ereğli began a small-scale salvage excavation of the newly discovered main church of Adrianople, known as “Early Byzantine Church B,” situated in the centre of the ancient city. Only the floor and foundation levels are preserved. The church was erected probably around the early sixth century AD and might have still been in use as late as the seventh century. The most important discoveries at Church B were undoubtedly the floor mosaics, which show personifications of four Biblical rivers: Euphrates, Tigris, Phison and Geon.

In 2006, archaeological excavations were begun in Adrianople by a team from the Dokuz Eylül University, Izmir, under the direction of Dr Ergün Laflı. In result of our 2005 sur-

veys of the area, it has been confirmed that Adrianople was indeed coincident with modern Eskipazar, with finds dating from the first century BC to the eighth century AD. It also was determined that the core of the ancient city extended as far as the modern village of Budaklar and its surrounding districts of Hacı Ahmetler, Çaylı and Eleler, along the Eskipazar-Mengen highway for 8 km east-west and 3 km north-south. The *chora* of Adrianople is much more extensive in size.

The 2005 field surveys identified the remains of at least twenty-four buildings at the site. Among them are two baths from the Late Roman period, two Early Byzantine churches, a fortified structure from the Byzantine period, a possible theatre, a vaulted building, a domed building and some domestic buildings with mosaic floors. In 2006 trenches were opened to investigate two of the best preserved of these buildings: Bath Building A and Early Byzantine Church A. In 2007 “Bath A”, “Bath B”, an Early Byzantine villa, an Early Byzantine absidial building, as well as two Roman monumental rock-cut graves were excavated.

In general, the 2006–2008 excavation campaigns have established that Adrianople was a fortified regional centre during the Late Roman and Early Byzantine period (AD 400–700), when it can easily be defined as a “*polis*” with civic buildings and a fairly large urban population, as well as an extensive agrarian rural population. Most of the visible surface remains belong to this period. This paper will concentrate on the situation of Adrianople after the eighth century AD, i. e. after the abandonment of the site, and medieval glazed pottery shards from the tenth to thirteenth century will be presented.

В. Ю. Коваль

ИМПОРТНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК В БОЛГАРЕ

Импортная керамика Болгара уже становилась объектом внимания исследователей, однако предметом специального изучения она еще никогда не была. Поэтому имеются лишь самые общие сведения о тех разновидностях керамических импортов, которые были встречены здесь при раскопках, однако до сих пор остается неясным, какова была структура этого импорта. Имеются количественные данные в основном только о редких группах импортов — китайского фарфора и иранского люстра. В ходе раскопок 2011–2013 гг. на участке, расположенном в 150 м к юго-западу от соборной мечети Болгара, изучались остатки монументальной постройки городского базара, впервые открытые М. Д. Полубояриновой в 1989 г.

В 2011–2013 гг. на раскопах В. С. Баранова и В. Ю. Коваля здесь было обнаружено 350 обломков импортной поливной керамики. В этом комплексе абсолютно преобладала посуда, изготовленная из кашина, которая составляла 62 % всех изученных образцов. Треть всех поливных керамических импортов была сформована из различных глин (от белого до красного цвета), а 5 % приходилось на долю китайской керамики (селадоны, фарфор и др.). Если сравнить это соотношение классов керамики с имеющимися данными по основным столичным центрам Золотой Орды, то окажется, что в нижневолжских столицах оно было диаметрально противоположным (при отсутствии данных о китайской керамике). Так, на Селитренном городище кашинная керамика составляла 38 % всей поливной посуды, а керамика на глиняной основе — 62 %. Само по себе это различие объясняется просто — в нижневолжских центрах почти вся поливная керамика изготавливалась на месте,

а в Болгаре та же самая керамика являлась импортом, причем она ввозилась сюда в соответствии с местными запросами, которые явно отличались от рыночной ситуации в Сарае и других нижневолжских городах.

Если же говорить о спектре разновидностей импортной керамики в Болгаре, то в целом он не отличался от того, который был зафиксирован Н. М. Булатовым для нижневолжских центров Золотой Орды. Более высокая доля изделий с люстровой росписью (как фаянсов, так и полуфаянсов) в Болгаре может быть также связана с преимущественной закупкой наиболее дорогих и престижных образцов привозной парадной посуды. В целом же иранский импорт составлял в Болгаре около 13 % всей поливной керамики. Что касается кашинной керамики, изготовленной в золотоордынских городах Нижнего Поволжья, то она представлена обломками хорошо узнаваемых и вполне типичных для середины XIV в. изделий — чаш, кувшинов, гюльабданов, относившихся к широко распространенным типам полуфаянсов с полихромной подглазурной росписью, с полихромной росписью и слегка рельефной росписью ангобом (под бесцветной глазурью), с черной росписью под бирюзовой глазурью).

Среди импортной поливной керамики, изготовленной из различных глин, первое место принадлежало продукции городов юго-восточного Крыма (Солхата, Солдаи и Каффы), доля которой превышала 1/3, причем основную массу таких импортов составляла ординарная зеленая полумайолика, т. е. дешевая массовая керамика, представленная в основном различными по форме кувшинами. К производству юго-восточного Крыма относилась также тисненая керамика, облицованная зеленой глазурью, представленная обломками нескольких кувшинов.

В заметно меньшем объеме попадала в Болгар красноглиняная керамика из городов Нижнего Поволжья и светлоглиняная керамика, происходившая, вероятно, из Маджара и

городов Средней Азии (по 20%). Византийская поливная керамика занимала в этом списке последнее место, однако она представлена яркими образцами константинопольской продукции XIV в. — типом «Elaborated Sgraffito Ware», поздними дериватами «Zeuxippus Ware» и полумайоликой с пятнами марганца.

К числу китайских импортов относятся селадоны, синевелый фарфор и «Цзюнь-яо». Последняя разновидность керамики (также иногда причисляемая к фарфору), производилась в местности Цзюнтай (Хэнань) начиная с эпохи Сун.

VLADIMIR KOVAL'

IMPORTED GLAZED WARES EXCAVATED IN BOLGAR

Although imported ceramic wares from Bolgar has already attracted scholars' attention, they have never been a subject of particular research. Therefore, there only is most general account of various ceramic imports discovered by archaeological excavations, though the structure of imports remains unknown so far. Quantitative data are available for rare groups of import only, e. g. Chinese porcelain and Iranian lustre wares. The 2011–2013 excavations on the area 150 m southwest of the Friday mosque of Bolgar researched monumental remains of town market that had been discovered by M. D. Poluboiarinoва in 1989.

During the 2011–2013 excavations, 350 shards of imported glazed wares were found on V. S. Baranov's and V. Iu. Koval's excavation trenches. In this complex *kashi* tableware predominated (62% of artefacts studied). Every third imported ceramic artefact was formed of various clays (of white to red colour), though 5% was Chinese ceramic ware (celadon, porcelain, etc.). The ratio of ceramic ware classes in the Golden Horde capital cities in the lower Volga area was absolutely different (no data on Chinese ceramic ware is available there). Thus, in Selitrennoe settlement

38% of glazed pottery was Kashi Ware and 62% was clay ware. This difference has a simple explanation, for almost all glazed wares in the lower Volga centres were locally made, while the same wares in Bolgar were imported for local demands, clearly different from the market in Sarai and other lower Volga cities and towns.

The variety of imported wares in Bolgar generally does not differ from that recorded by N. M. Bulatov in the lower Volga centres of the Golden Horde. A higher proportion of Lustre-Painted Wares (both faience and semi-faiences) in Bolgar might be explained as most expensive and prestigious imported parade vessels were purchased predominantly. In general, Iranian imports amounted to about 13% of glazed wares in Bolgar. The *Kashi* Ware produced in the lower Volga cities of the Golden Horde is represented by fragments of well recognisable and quite typical mid-fourteenth century ware: cups, jugs, and *gulabdans* (rose-water sprinklers) — widespread types of semi-faience ware with polychrome underglaze painting, polychrome painting, relief engobe painting (under colourless glaze), or black painting (under turquoise glaze).

The first place among the imported glazed wares of various clays belonged to vessels made in south-eastern Crimean cities (Solkhat, Soldaia and Kaffa), whose share exceeds 1/3, with the bulk of green semi-majolica, i. e. cheap popular ware, represented mainly by various forms of pitchers. The south-eastern Crimean products also included stamped green-glazed ware represented by fragments of several pitchers.

Bolgar got much smaller amounts of red-clay ware produced in the lower Volga towns and light-clay ware probably from Madzhar and Central Asian towns (20% each). Byzantine glazed wares took the last place in this list, but it still showed striking examples of fourteenth-century Constantinopolitan products: Elaborated Sgraffito Ware, late derivatives of the Zeuxippus Ware, and semi-majolica ware with manganese spots.

The Chinese imports consist of celadon ware, blue-and-white porcelain ware, and Chun-Yao ware. The latter type (also sometimes interpreted as porcelain) was made in Juntai (Henan) from the Song age on.

В. Ю. КОВАЛЬ

**О НОВЕЙШЕМ «ОТКРЫТИИ» ВИЗАНТИЙСКИХ
ГЛАЗУРОВАННЫХ КУВШИНОВ В ИТАЛИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА**

Не так давно вышла статья М. Г. Крамаровского (продублированная в его монографии), где на основе изучения изображений сюжета «Свадьба в Кане» в составе знаменитой алтарной иконы сиенского мастера Дуччо ди Буонинсеня «Маэста», прозвучало утверждение о том, что среди рассмотренных изображений есть несомненные образцы византийских поливных кувшинов, декорированных в так называемом «палеологовском стиле» (сочетание «сграффито» и выемчатой техники под темно-желтой глазурью). Сходство между изображениями на картине и реальными археологическими артефактами действительно имеется. Отсюда был сделан вывод, что византийские сосуды попали в мастерскую итальянского художника и стали теми образцами, что он воспроизвел в одном из своих сюжетов. Этот тезис с неизбежностью повлек за собой далеко идущие умозаключения. Прежде всего, поскольку шедевр Дуччо ди Буонинсеня был создан в период 1308–1311 гг., приходится предполагать, что византийские сосуды подобного облика в это время уже были столь широко распространены, что оказались в итальянской Сиене. Далее, уже без какого-то дополнительного обоснования, был сделан вывод о распространении подобных сосудов в Византии уже

во второй половине XIII в. В этой связи надо заметить, что археологические находки поливной керамики «палеологовского стиля» из Византии и Причерноморья редко имеют узкие даты в рамках поздневизантийской эпохи, но те находки, которые такие даты всё же имеют, относятся не ранее чем к середине XIV в. Таким образом, время расцвета нового для Византии типа столовой посуды пришлось удревить почти на столетие, войдя в противоречие с имеющимися археологическими реалиями. Кроме того, появление в мастерской итальянского художника византийской столовой посуды позволяло ожидать торговлю ею на территории Италии, хотя никаких следов такой торговли по археологическим материалам до сих пор не прослеживалось.

Однако обращение к археологическим материалам самой Италии показывает, что кувшины, изображенные в сцене «Свадьбы в Кане» были хорошо известны во многих городах Италии XIII в. и относились к так называемой группе «*Maiolica Archaica*», т. е. являлись собственно итальянской продукцией. Речь идет не только о формах кувшинов с небольшим округлым туловом и высоким цилиндрическим горлом, но и об их декоре. На картине итальянского мастера этот декор передан схематично, детали его не прочитываются, но очевидно преобладание схем с сетчатым заполнением фона, ромбическим дроблением фона и другими рисунками (изображение птицы, волнистой ленты и пр.). Такие схемы хорошо известны в итальянской майолике XIII в. И хотя описываемые формы кувшинов и их декор нельзя назвать широко распространенными в Италии того времени, они не были и сколько-нибудь экзотичны. Поэтому нет никакой необходимости искать византийские аналогии сосудам, обычным с Италии времени создания «Маэста», которые можно было купить в любой лавке Сиены.

Но если Дуччо де Буонинсенья изображал не византийские кувшины, а итальянские, то археологические реалии

возвращают себе поколебленную изысканиями М. Г. Крамаровского актуальность. Правда, при этом возникает иной вопрос: форма византийских кувшинов «палеологовского стиля» совершенно необычна для керамической продукции Балкан и Малой Азии, а ее происхождение до сих пор осталось невыясненным. Однако представленные итальянские параллели заставляют думать о том, что истоком новой для Византии формы кувшинов могли стать именно эти итальянские образцы, подтвердив тем самым более раннюю догадку М. Г. Крамаровского, оставленную им без подробного обоснования.

Итак, благодаря явно неудачной попытке увидеть в итальянских кувшинах византийские, появилась возможность проследить еще один путь воздействия западноевропейской культуры на культуру Византии XIV в. И всё это произошло благодаря вниманию М. Г. Крамаровского, приметившего удивившую его деталь в картине великого художника. Ошибка произошла только в «векторе связей» — он был направлен не из Византии в Италию, а наоборот.

VLADIMIR KOVAL'

**ON A RECENT "DISCOVERY" OF BYZANTINE GLAZED
PITCHERS IN ITALY IN THE SECOND HALF
OF THE THIRTEENTH CENTURY**

A recently published article by M. G. Kramarovskii (duplicated in his monograph) assumes, against the background of his analysis of the *Wedding at Cana* at Duccio di Buoninsegna of Siena's famous altar icon *La Maestà*, that it displays doubtless cases of Byzantine glazed pitchers with decorations in the so-called "Palaeologean style" (combining sgraffito and excised technique under dark-yellow glaze). The similarity between the

images on the painting and real archaeological artefacts certainly exists. Therefore, the conclusion has been drawn that Byzantine vessels were in the Italian artist's workshop where he reproduced them on the picture. This interpretation inevitably entailed far-reaching conclusions. First, since Duccio di Buoninsegna created his masterpiece in 1308–1311, one tends to assume that similar Byzantine vessels were widespread in the period and found their way to Italian Siena. Further, without any extra arguments, the researcher concludes that similar vessels were distributed in Byzantium already in 1250–1300. In this regard, it is worth noticing that, although archaeological finds of glazed ware in the “Palaeogeanean style” in Byzantium and the Black Sea area rarely possessed narrow dates, the artefacts with such dates are not earlier than the mid-fourteenth century. Thus, the climax of the new type of Byzantine tableware should be a century earlier, contradicting to the existing archaeological realities. Moreover, the appearance of Byzantine tableware at the Italian artist's workshop supposed that it was sold out in the Italian territory, though no trace of such trade has been discovered archaeologically.

However, the study of Italian archaeological materials shows that pitchers depicted in the *Wedding at Cana* were well known in many cities of Italy in the thirteenth century, belonging to the so-called Maiolica Archaica, i. e. were locally made. It concerns both the form of a pitcher with small rounded body and high cylindrical neck and its decoration. Although the Italian master's painting represents this decoration schematically, without “legible” details, the predominance of lattices, diamond-split background and other patterns (bird, wavy line, etc.) is obvious. Such patterns are well known in thirteenth-century Italian majolica. Although the described forms of pitchers and their decoration should not be called widespread in Italy of the period, yet they were not exotic anyhow. Thus, there is no need in looking for Byzantine analogies to the vessels which usually occurred in Italy from the time of *La Maestà* and might be bought from any shop in Siena.

If Duccio di Buoninsegna pictured Italian rather than Byzantine pitchers, the archaeological realities regain their topicality shaken by M. G. Kramarovskii's research. However, it raises another question: the form of Byzantine pitchers of the "Palaeologean style" was very unusual for ceramic ware from the Balkans and Asia Minor, so its origin remained unclear. From the Italian parallels under consideration we might suppose that the origins of the new form of Byzantium pitchers were related to the said Italian prototypes, thus confirming M. G. Kramarovskii's early conjecture which he left without a detailed justification.

Thus, the attempt to interpret Italian pitchers as Byzantine failed, but yet it allowed us to trace another route of Western European cultural impact on Byzantine culture in the fourteenth century. It all happened because of M. G. Kramarovskii's attention, who noticed a surprising detail of a great artist's painting. His only error is the direction of connections, which was oriented not from Byzantium to Italy, but in the opposite way.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ
В. Е. НАУМЕНКО
Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

**ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ИЗ ДВУХ ЗАКРЫТЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ XIV в.
В МЕДРЕСЕ СОЛХАТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 г.)**

О руинах мусульманского учебного заведения золотоордынского Солхата, которое в настоящее время образует единый архитектурно-археологический комплекс вместе с так называемой «мечетью Узбека», очевидно, впервые упоминает в 1634 г. Эмиддио Портелли д'Асколи, глава доминиканской миссии

в Кафе. Из содержания посвянительной надписи над его воротами, перевод которой сохранил турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666–1667 гг., следует, что медресе было построено в 733 г. х. (1332–1333 гг. н. э.) на средства и при покровительстве Инджибек-хатун, жены правителя Солхата в это время Кутлуг-Тимура. «Мечеть Узбека» и прилегающее с юга медресе отмечено на плане г. Старый Крым, составленного в 1783 г. И. Лютовым. Внутренний двор, фасадная часть и предпортальная площадь комплекса изображены на рисунках 1783 и 1797 гг. художника М. М. Иванова.

Первые археологические исследования медресе произведены в 1925–1926 гг. экспедицией под руководством И. Н. Бороздина. Ее научную группу составили А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, П. И. Голландский, О. Э. Акчокраклы, Б. Н. Засыпкин. Отметим, что графическая фиксация строительных остатков на площади раскопов осуществлялась А. Л. Якобсоном, в будущем известным специалистом в области средневековых древностей Таврики. Раскопки 1925–1926 гг. носили рекогносцировочный характер. Тем не менее, в ходе работ выяснены общие контуры и планировка медресе, открыты основание портала, пол внутреннего двора, мощный известняковыми плитами, и дюрбе в северо-западном секторе комплекса с надгробиями 1371 г. (с именем Инджибек-хатун) и 1428 г. В 1928 г. исследования внутреннего двора медресе были продолжены Н. Л. Эрнстом. Однако, результаты этих работ, как, впрочем, и раскопок 1925–1926 гг., остались не опубликованными.

В 1978–1983 гг. систематическое археологическое изучение комплекса «мечети Узбека» и медресе на площади более 1000 м² проводилось экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского. Оно позволило не только сформировать объективное представление о планировочной структуре медресе и мечети, но и предложить ныне общепринятую периодизацию комплекса.

Медресе представляет собой квадратное в плане сооружение общей площадью 837 м², со стороной около 28,0 м, ориентированное строго по сторонам света. Его план, с небольшими отступлениями, повторяет планировочную структуру медресе Бурусийе в Сивасе (Центральная Анатолия), построенного около 1271–1272 гг. В восточной стене — входной проем, оформленный парадным крыльцом и порталом в виде стрельчатой арки. За ними располагались восточный айван и вход во внутренний двор медресе, вымощенный известняковыми плитами, в центре которого раскопками зафиксирован фонтан и устье колодца для сброса ливневых вод. Двор обрамляла аркада, за которой располагались многочисленные жилые и учебные помещения. Всего таких помещений 23 — четыре айвана, два помещения (рядом с западным айваном) для занятий в зимнее время, 14 худжр учащихся и три помещения для проживания преподавателей. Ниша-михраб в стене южного айвана предполагает его использование в качестве мечети. Как показали раскопки 1978–1983 гг., медресе, безусловно, предшествует строительству мечети. Время его возведения, по Эвлия Челеби, относится к 1332–1333 гг., что не противоречит результатам археологических исследований. Около 1371 г., по данным раскопок 1925–1926 гг., одно из помещений в северо-западном секторе медресе перестраивается в дюрбе для основательницы учреждения Инджибек-хатун. В начале XV в., медресе прекращает свое функционирование, о чем свидетельствует дата сокрытия клада из 608 дирхемов, обнаруженного в процессе изучения одной из худжр. В конце XV в. или на рубеже XV – XVI вв. у северной стены разрушенного медресе возводится так называемая «мечеть Узбека».

Эти заключения о планировке и основных этапах истории комплекса легли в основу реставрационного проекта памятника, в ходе которого были проведены его дополнительные натурные архитектурные обследования в 1983–1985 гг.

В 2013 г. археологические исследования медресе были возобновлены совместной экспедицией Государственного Эрмитажа (руководитель — М. Г. Крамаровский) и Крымского инженерно-педагогического университета (руководитель отряда — Э. И. Сейдалиев), при участии сотрудников Бахчисарайского историко-культурного заповедника. Их целью являлась разработка общих предложений для проекта по музеефикации комплекса, необходимого на начальном этапе продвижения памятника в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Раскопки 2013 г. были сосредоточены на двух участках исследований. Во-первых, на территории предпортальной площади, где на участке, непосредственно примыкающем к восточной (портальной) стене медресе, обследовано техническое состояние ее фундаментов и завершено археологическое изучение водоотводного канала памятника на отрезке длиной около 22,0 м. Во-вторых, в северо-западной части комплекса, где были выполнены дополнительные архитектурные обмеры «дюрбе Инджибек-хатун» (помещение №16) для создания 3D модели объекта и заложен раскоп (шурф №1) с внешней стороны северо-западного угла медресе с целью изучения здесь стратиграфической ситуации.

В контексте данной конференции наше внимание привлек довольно выразительный комплекс глазурованной керамики, который происходит из двух закрытых, в археологическом смысле, комплексов из раскопок 2013 г. — заполнения водоотводного канала и хозяйственной ямы на площади шурфа №1. Оба комплекса имеют близкие стратиграфические условия формирования. Они датируются периодом функционирования медресе (30-ми гг. — концом XIV — началом XV вв.). Время засыпи канала и ямы, на основании в том числе нумизматических находок, среди которых наиболее поздними являются анонимные пулы Золотой Орды выпуска 782 г. х. (1381 г. н. э.), относится к последней четверти XIV — началу XV вв.

Комплекс глазурованной керамики из засыпей указанных археологических комплексов неоднороден. Большую часть находок (около 77%) составляют красноглиняные сосуды (куманы, кувшины, горшки, миски, тарелки) под монохромной зеленой либо желтой глазурью, украшенные растительным орнаментом в технике «сграффито». Реже встречается орнаментация, сочетающая технику «сграффито» и «шамплеве» («Elaborate Incised Ware»). Сформованы из плотной однородной глиняной массы с характерными включениями частиц шамота, видимыми на сколе и поверхности изделий. Являются продукцией местного (солхатского) производства, следы которого известны по раскопкам городища и его ближайшей округи (поселение Бокаташ II).

Остальная поливная керамика в комплексе представлена сосудами из кашина и красноглиняными изделиями следующих типов — с росписью линиями ангоба под желтой глазурью («Slip-Painted Ware»), с гравированным орнаментом в виде двойных концентрических линий по краю и дну изделий под монохромной желто-коричневой глазурью (скорее всего, относится к «Zeuxippus Ware Subtypes»), полихромной глазурованной керамики с орнаментом в технике «сграффито» («Polychrome Sgraffito Ware»).

Если керамика из кашина и типа «Slip-Painted Ware» традиционна для комплексов золотоордынского времени в Крыму, то сосуды типа «Zeuxippus Ware Subtypes» и «Polychrome Sgraffito Ware» принадлежат, безусловно, к изделиям византийского круга в Солхате. Тем не менее, состав глиняного теста, из которого они изготовлены (плотное, однородное, практически без видимых примесей), однозначно свидетельствует об их производстве в одном из гончарных центров на территории полуострова (Каффа, Чембало, Алустон, возможно, Сугдея), где уже в XIV в. изготавливалась поливная керамика, в целом имитирующая морфологию и орнаментацию подобного рода византийских изделий. Не позднее первой

половины XV в. сосуды типа «Polychrome Sgraffito Ware» изготавливались также на Мангупском городище, где во время раскопок последних лет обнаружены следы такого производства.

MARK KRAMAROVSKII
VALERII NAUMENKO
EMIL' SEIDALIEV

GLAZED WARES FROM TWO FOURTEENTH-CENTURY
CLOSED ARCHAEOLOGICAL ASSEMBLAGES
AT THE MADRASA OF SOLKHAT
(ACCORDING TO THE 2013 RESEARCHES)

The ruins of a Muslim education institution in Solkhat in the Golden Horde period which currently forms a single architectural and archaeological complex with the so-called Uzbek Mosque were probably first mentioned in 1634 by Emidio Portelli d'Ascoli, the head of the Dominican mission to Kaffa. The dedicatory inscription above its gate in translation saved by Ottoman traveller Evliya Çelebi, who visited the Crimea in 1666–1667, states that the *madrassa* was built in AH 733 (AD 1332–1333) on the means and under the patronage of Indzhibek Khatun, a wife of Kutlug Timur, the current ruler of Solkhat. The Uzbek Mosque and the *madrassa* annexed to it at the south are indicated on 1783 plan of Staryi Krym by I. Liutov. The courtyard, façade, and preportal part of the complex are shown on 1783 and 1797 drawings by M. M. Ivanov.

The first archaeological research of the *madrassa* was done in 1925–1926 by I. N. Borozdin's expedition, with the research group of A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninskii, P. I. Gollandskii, O. E. Akchokrakly, and B. N. Zasytkin. It is worth paying attention that remains of buildings in the excavation area were drawn

by A. L. Iakobson, who later became well-known expert of medieval monuments in the Crimea. The 1925–1926 excavations were mostly reconnaissance. Nevertheless, these works discovered the *madrasa's* general contours and layout, unearthed the footing of its portal, the floor of its courtyard paved with limestone slabs, and a *turbe* (mausoleum) in the north-western sector of the complex with tombstones dated to AD 1371 (with the name of named Indzhibek Khatun) and 1428. N. L. Ernst continued researching the *madrasa* courtyard in 1928. However, the results of his studies, the same as of the 1925–1926 excavations, have never been published.

From 1978–1983 on, systematic archaeological research of the Uzbek Mosque complex and the *madrasa* on the area exceeding 1,000 m² were conducted by the State Hermitage Museum's expedition supervised by M. G. Kramarovskii. It allowed both to form an objective view of the *madrasa's* and mosque's planning structure and to suggest the entire complex periodization, now generally accepted.

The *madrasa* has square ground plan covering 837 m² total, with its side of about 28.0 m long, cardinally oriented. Its plan, with a few deviations, follows the planning structure of the Burusiye *madrasa* in Sivas (Central Anatolia), built ca. 1271–1272. In the eastern wall is a doorway adorned with parade porch and lancet-arched portal. Behind are the eastern *iwan* and entrance to the *madrasa* courtyard, paved with limestone slabs, with a fountain and the mouth of a rainwater well excavated in its centre. The courtyard is framed with an arcade, with numerous residential rooms and classrooms behind it. The total number of the rooms is 23: four *iwans*, two rooms (near the western *iwan*) for winter classes, 14 students' *hujras*, and three premises for accommodation of teachers. The *mihrab* niche in the wall of the southern *iwan* suggests that it was a mosque. The 1978–1983 excavations showed that the *madrasa* preceded the construction of the main mosque. According to Evliya Çelebi, the mosque was constructed

in 1332–1333, which does not contradict to the results of archaeological research. According to the 1925–1926 excavations, one room in the north-western sector of the *madrassa* was re-built into *turbe* for the institution founder Indzhibek Khatun ca. 1371. The *madrassa* ceased to exist in the early fifteenth century, as it came from the date of the treasure of 608 *dirhams* found by excavation of one of the *hujras*. In the late fifteenth or in the turn of the sixteenth century, the so-called Uzbek Mosque was built at the northern wall of the ruined *madrassa*.

The conclusions regarding the layout and the main historical stages of the complex formed the basis for the monument restoration project, in course of which additional on-site architectural surveys were made in 1983–1985.

In 2013, archaeological research of the *madrassa* were renovated by the joint expedition of the State Hermitage Museum (headed by M. G. Kramarovskii) and the Crimean Engineering and Pedagogical University (field director E. I. Seidaliev), with the participation of the staff of the Bakhchisarai Historical and Cultural Preserve. Their aim was to develop a general proposal for the museum presentation of the complex which was necessary for the site promotion to the UNESCO World Heritage List.

The 2013 excavations concentrated at two research areas. First, at the square in front of the portal, near the eastern (pre-portal) wall of the *madrassa*, where technical conditions of the *madrassa* foundation were surveyed and the archaeological investigation of a water channel were completed at the length of ca. 22 m. Second, in the north-western part of the complex architectural measurements of “Indzhibek Khatun’s *turbe*” (room no. 16) were made for the creation of a 3D model of the object and a new excavation trench (prospect hole no. 1) was laid at the outside of the *madrassa* north-western corner to understand local stratigraphy.

In the context of this conference, our attention was attracted by quite striking complex of glazed ware, which originated from two archaeologically closed assemblages excavated in 2013: the

infill of the drain and storage pit in prospect trench no. 1. Both complexes have similar stratigraphical conditions of formation. They date from the period when the *madrassa* functioned (1330s — late fourteenth or early fifteenth century). The drain and the pit were filled with soil in the last quarter of the fourteenth or early fifteenth century according to numismatic finds, the latest of which were anonymous Golden Horde *puls* issued in AH 782 (AD 1381).

The glazed ware complex from the infill of the said archaeological assemblages is dissimilar. Most of the finds (about 77%) are red-clay vessels (*kumgans* [washing ewers], pitchers, pots, bowls, plates) with monochrome green or yellow glaze, decorated with floral sgraffito ornaments. Rare are combinations of sgraffito and champlévé techniques (Elaborate Incised Ware). The vessels are of compact homogeneous fabric with characteristic inclusions of grog visible on breaks and surface. They were locally made: traces of this production are excavated in Solhat and its immediate vicinity (Bokatash II settlement).

Other glazed pottery in the complex consists of *kashi* and red-clay vessels of the following types: with engobe lines painted under yellow glaze (Slip-Painted Ware), with engraved design of double concentric lines around the edge and bottom under monochrome yellow-brown glaze (most likely one of late Byzantine Zeuxippus Ware Subtypes), and polychrome glazed vessels with sgraffito ornamentation (Polychrome Sgraffito Ware).

Kashi and Slip-Painted Wares are traditional for Crimean assemblages from the Golden Horde period, Zeuxippus Ware Subtypes and Polychrome Sgraffito Ware obviously belonged to Byzantine-circle wares produced in Solkhat. Nevertheless, their fabric (compact, homogeneous, with almost no visible inclusions) is an unequivocal indication of their production in a Crimean pottery centre (Kaffa, Cembalo, Alouston, possibly Sougdaia), where glazed wares were already made in the fourteenth century, generally imitating the morphology and ornamentation of similar

Byzantine artefacts. In 1400–1450 at the latest, the production of the Polychrome Sgraffito Ware started at Mangup settlement, where recent years of excavations discovered appropriate traces.

В. В. Майко

**ПОЛИВНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ КЕРАМИКА СУГДЕИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X – XIII вв.**

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Благодаря многолетним исследованиям средневековой Сугдеи в настоящее время мы располагаем одним из наиболее представительных для Таврики комплексов поливной византийской посуды. Несмотря на то, что данная продукция на протяжении всего рассматриваемого периода составляла незначительный процент керамических комплексов и, чаще всего, представлена достаточно фрагментарно, в нашем распоряжении имеются практически все известные в настоящее время типы и варианты этой своеобразной категории изделий.

Наиболее ранние экземпляры, обнаруженные в культурном слое и комплексах второй половины IX – первой половины X вв., представлены единичными фрагментами полихромных чаш с расписным орнаментом, нанесенным черной краской, относимых к культовым изделиям. Большинство же составляют сосуды под светло-желтой, оливковой или пятнисто-зеленой поливой разных оттенков с рельефным орнаментом, выполненным штампом, или нанесенным подглазурной росписью марганцем. Нередко, и это характерно именно для ранних изделий, сосуды украшались подглазурными мазками окиси марганца буро-коричневого цвета. Морфологически это неглубокие чаши или курильницы с крупными петлевидными, овальными в сечении ручками на высоком прорезном

кольцевом поддоне. Отличительной их особенностью является треугольный либо слегка отогнутый закругленный с небольшим пазом для крышки венчик, отделенный от тулова ребром. Реже встречены крупные глубокие конические тарелки, иногда с рельсовидным профилированным венчиком и небольшие тарелочки с уплощенным отогнутым венчиком, отделенным от тулова ребром.

С момента появления в восточном Крыму провинциально-византийской культуры, пришедшей на смену салтовской, набор поливной византийской керамики не претерпел существенных изменений. Морфологически для второй половины X – XI вв. это фрагменты глубоких конических курильниц с петлевидными ручками на небольшом прорезном кольцевом поддоне и тарелки открытого типа разной морфологии на невысоком кольцевом поддоне, с рельсовидным венчиком, иногда украшенным волнистым орнаментом или, реже, орнаментом в виде плетенки. Среди характерных отличий можно выделить следующие. Во-первых, значительно большее разнообразие морфологических типов. Во-вторых, использование не только белой каолиновой, но и розовой глины. В-третьих, появление на некоторых типах посуды в верхней части тулова прочерченного по сырой глине хаотического сетчатого орнамента и наличие минимального количества дипинти. В-четвертых, минимальный, но больший по сравнению с предыдущим периодом процент расписной керамики.

Для комплексов XII в., относительно недавно выделенных при раскопках портовой части Сугдеи и участка квартала I, характерно появление красноглиняных изделий под поливой светлого цвета с поясками растительного орнамента, выполненного в технике тонкого сграффито. Вероятно, несколько позже появляются красноглиняные сосуды с врезной орнаментацией т. н. «медальонного стиля». В Сугдее последняя керамика более характерна уже для рубежа XII – XIII вв.

В первой половине XIII в. комплекс поливной византийской керамики, как и во всем Причерноморье, претерпевает ряд существенных изменений, проявившихся еще в конце предыдущего столетия. Основную массу изделий составляют разнообразные красноглиняные тарелки типа «Зевксиппова керамика» как с геометрическим, так и с сюжетным орнаментом. На целых формах зафиксированы многочисленные следы ремонта. В это же время в Сугдее появляется красноглиняная керамика, относимая к изделиям, декорированным в технике позднего сграффито и снятия фона, как без подцветки, так и под поливой желто-коричневого и зеленого цвета. Последняя, получившая наибольшее распространение в Херсонесе, орнаментирована в виде плетенки, шахматного поля и различных завитков.

После вхождения восточного Крыма в состав улуса Золотой Орды в середине — второй половине XIII в. преобладающими типами поливной византийской керамики становятся разнообразные красно- и оранжевоглиняные изделия под поливой разных оттенков оливкового цвета с разнообразным геометрическим орнаментом, выполненным в технике тонкого сграффито. Безусловный интерес представляет и фиксируемая только с этого времени белоглиняная керамика с зелено-коричневой бесконтурной росписью, часто в виде фантастических животных. Уникальная и разнообразная для Крыма коллекция данных групп посуды известна благодаря подводным исследованиям в бухте пос. Новый Свет. В это же время в Сугдее появляется ранняя красноглиняная керамика с росписью белым ангобом в виде кругов, заполненных точками.

С момента зарождения в городах восточного Крыма во второй половине XIII — первой половине XIV вв. собственного производства поливной столовой посуды, византийский импорт становится минимальным. Его анализ и соотношение с местными формами, является темой отдельного исследования.

VADIM MAIKO

**BYZANTINE GLAZED WARES
FROM 950–1300 IN SOUGDAIA: THEIR MAIN TYPES
AND THE CHRONOLOGY OF ASSEMBLAGES**

Many-years-long researches of medieval Sougaia supplies one of the most representative in the Crimea assemblages of Byzantine pottery. Although these wares formed a small percentage of ceramic materials from the period in question and was fragmented in most cases, they nevertheless supplied almost all currently known types and variants of this specific category of finds.

The earliest specimens found in the cultural layer and assemblages from 850–950 are isolated fragments of polychrome black-painted bowls which are interpreted as church ware. The majority of vessels are covered with light yellow, olive, or mottled green glaze of different tints and have stamped designs or underglaze manganese painting. Typically for the early products, vessels are often decorated with underglaze strokes of brown manganese oxide. Morphologically, they are shallow bowls or censers with large handles of loop or oval cross-section and high ring-foot. Their distinctive feature is triangular or slightly out-turned rim, rounded, with a small lid socket, separated from the body by a rib. Rare finds are deep conical plates, sometimes with rail-shaped profiled rim, and small tureens with flattened out-turned rim, separated from the body by a rib.

From the time when Byzantine provincial culture replaced the Saltov culture in eastern Crimea on, the set of Byzantine glazed wares did not undergo significant changes. In 950–1100, it consists of deep conical censers, with loop handles and small open-work ring-foot, and open-type plates of different morphology with a small ring-foot and rail-shaped rim, sometimes wavy- or, in rare cases, lattice-ornamented. Typical differences are, first, a

much greater variety of morphological types; second, pink clay used along with white kaolin; third, scattered network design scratched on raw clay on top body and a very few dipinti; fourth, minimal but big if compared with the previous period percentage of painted ware.

Twelfth-century assemblages that were recently discovered by the excavation of the port area and a part of quarter I in Sougdaia contained typical red-clay ware with strips of floral design in fine sgraffito technique under light glaze. Red-clay vessels with incised ornamentation in the so-called “medallion style” probably appeared a bit later — in Sougdaia, they were more common around 1200.

In 1200–1250, the complex of Byzantine glazed wares underwent some significant changes that had emerged in the late-twelfth century, similarly to the entire Black Sea area. The main bulk are various red-clay plates of the Zeuxippus Ware type with geometrical or figural design. Complete forms show numerous traces of repair. At the same time, Sougdaia got red-clay ceramic ware of late sgraffito and cut-away background types, both without extra colouring and with yellowish brown and green glaze. The latter ware was most popular in Chersonesos, showing lattice, chequered, or various types of scrolled design.

When the eastern Crimea was made the Golden Horde *ulus* in the middle and second half of the thirteenth century, various red- and orange-clay vessels covered with glaze of various tints of olive and decorated with various floral designs in fine sgraffito technique became predominant types of Byzantine glazed wares. It is worth paying attention to white-clay ware with green-brown non-contoured paintings, often of monsters, which appeared in this period only. Unique and diverse collection of pottery of the said types in the Crimea has been discovered by underwater research in the harbour of Novyi Svet settlement. At the same time, early red-clay ware with white engobe painting of circles filled with dots occurred in Sougdaia.

Byzantine imports reduced to minimal scale in eastern Crimean towns when they developed their own production of glazed tableware in 1250–1350. Its analysis and correlation with local forms should be the subject of a specific research.

В. В. МАЙКО
Д. Ю. АЛЯДИНОВА
И. Б. ТЕСЛЕНКО

**КЕРАМИКА ИЗ ЗОЛЬНИКА ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА
В ПОРТОВОЙ ЧАСТИ СУГДЕИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010 Г.
В СУДАКЕ, КРЫМ)**

В 2010 г. Судакская археологическая экспедиция Национального Заповедника «София Киевская» проводила очередные археологические раскопки в портовой части средневековой Сугдеи в юго-восточном Крыму. В этом году на юго-западном склоне Крепостной горы (Дженевез-Кая) был обнаружен и исследован участок мусорной свалки османского времени, сохранившейся внутри руин одного из помещений средневекового каменного дома, возведенного здесь на искусственной террасе. Вероятно, возвышавшиеся над поверхностью стены заброшенного строения, создали своеобразную «седиментальную ловушку», в которой аккумулировался различный мусор, сбрасываемый со склона. Процесс накопления отходов был не продолжительным, сопровождался частичным разрушением кладок строения и завершился их масштабным обрушением, законсервировавшим таким образом часть седимента. Дошедший до нас участок свалки представляет собой достаточно однородный слой серого золистого грунта с включениями мелких углей, пачины, глины, разномерного бута и

большим количеством фрагментов разнообразной керамики. Мощность слоя 0,10–1,4 м. Археологическим материал распределялся равномерно, не образуя отчетливых скоплений. При этом фрагменты одних и тех же керамических сосудов залежали на разных глубинах и на значительном расстоянии друг от друга.

Датировка зольника определяется по найденным в нем нумизматическим материалам, представленным полусотней монет Крымского ханства XVI в. Наиболее ранние из них относятся к периоду правления Мухаммед-Гирея I (1515–1523), наиболее поздние — Мухаммед-Гирея II (1577–1584), а большинство составляют акче Девлет-Гирея I (1550–1577). Таким образом, хронологическая позиция отложений определяется в рамках конца первой четверти – середины XVI – последней четверти XVI, возможно, начала XVII в. Косвенно эту дату подтверждает также отсутствие в слое глиняных курительных трубок, широкое распространение которых в Крыму, скорее всего, относится ко времени не ранее второй половины – конца(?) XVII в.

подавляющее большинство находок из золистого слоя составили фрагменты различных керамических изделий. Более половины из них переотложены из более ранних комплексов и не могут быть использованы для характеристики материальной культуры периода формирования слоя. Это обломки черепицы, разновременных средневековых пифосов, амфор, кухонной и столовой посуды (в том числе поливной) местного и импортного производства VIII – X – XIII – XIV вв.

Выделяются также керамические находки, появление которых можно уверенно отнести к финалу генуэзского периода. Это неполивные изделия группы «юго-западный Крым» с росписью белым ангобом и поливная керамика группы «юго-восточный Крым» (сосуды открытой формы, миниатюрные куманы, масляные светильники с пальцевой деформацией венчика для установки фитиля и пр.). Многочисленные ана-

логии предметам найдены в слоях и комплексах XV в. Вполне вероятно, что они могли некоторое время использоваться в начале османской эпохи, но в это время уже окончательно выходили из оборота. Аналогичные тенденции отмечены и при исследовании зольника в районе квадратной башни крепости Алустон.

Коллекция керамики, характеризующая последующую эпоху, также довольно многочисленна и разнообразна. Она включает различные категории, группы виды и типы неполивной и поливной бытовой емкостной керамики, представляющие значительный интерес для изучения специфики керамического комплекса османского периода юго-восточного Крыма.

По различиям в составе формовочных масс, технологии производства и манере декоративного оформления, керамические изделия подразделяются на группы, три из которых образуют неполивные сосуды и три — керамика покрытая глазурью. Среди последней большинство составляет местная посуда группы «Крым» — это преимущественно глубокие чаши на низких кольцевых поддонах, блюда, горшки, туваки, масляные светильники, изготовленные из хорошо очищенной глины с незначительным количеством дополнительных примесей мелкодробленого шамота с монохромной зеленой или зеленовато-желтой глазурью без дополнительного декора. Интересны находки полуфабрикатов — ангобированных, но еще не покрытых поливой изделий, что может свидетельствовать в пользу их местного производства. Довольно многочисленны также сосуды группы «толстостенные чаши с бихромной расцветкой», происхождение которой пока не установлено. Они представлены более широким ассортиментом форм, отличаются массивными стенками, песчаным составом формовочных масс и разнообразием в оформлении внешней поверхности. Среди них особый интерес привлекает чаша с арабской надписью, нанесенной в технике сграффито

с двух сторон сосуда. Третья группа представлена фрагментированной белоглиняной кофейной чашечкой с росписью кобальтом турецкого производства.

В целом, анализ керамических изделий из зольника османского времени позволяет прийти к выводу о существенных переменах в материальной культуре жителей крымского побережья, произошедших под влиянием культурных традиций Порты на протяжении довольно короткого промежутка времени. Так, на примере рассмотренного комплекса становится очевидным, что приблизительно к концу первой четверти — середине XVI в. новые типы керамики практически полностью вытесняют прежние формы, а в декоративном оформлении бытовой посуды превалируют уже совершенно иные традиции и вкусы. Среди импорта преобладают турецкие керамические изделия.

VADIM MAIKO
DILIARA ALIADINOVA
IRINA TESLENKO

**CERAMIC WARES FROM AN OTTOMAN-PERIOD
CINDER HEAP IN THE PORT AREA OF SOUGDAIA
(ACCORDING TO THE 2010 EXCAVATIONS
IN SUDAK, CRIMEA)**

In 2010, Sudak Archaeological Expedition of the National Preserve of St. Sophia of Kyiv continued regular archaeological excavations in the port area of medieval Sougdaia in the south-eastern Crimea. This year, the team discovered and investigated a part of an Ottoman scrap-heap surviving within a room of a mediaeval stone house on an artificial terrace located on south-western slope of Krepostnaia Gora (Russian for “Castle Hill,” also Dzhenevez-Kaia). Walls of the abandoned house above the

surface composed a kind of “sediment trap” to accumulate there various wastes thrown down from the slope. This waste accumulation did not last for long, though it was accompanied by partial destruction of the house masonry and finished when the masonry collapsed, thus conserving a part of the sediment. Surviving scrap-heap area is a fairly homogenous layer of gray ashy soil with inclusion of fine charcoal, burnt clay, raw clay, varied rubbles, and a number of various ceramic fragments. The layer is 0.10–1.4 m thick. Archaeological material was evenly distributed and did not form specific clusters. Fragments of the same ceramic vessels were deposited at different depths and at a considerable distance from each other.

The date of the cinder heap is determined by the finds of numismatic materials, i.e. about fifty sixteenth-century coins of the Crimean Khanate. The earliest coins date back to the reign of Muhammad Giray I (1515–1523), the latest to Muhammad Giray II (1577–1584), and the majority are *akche* of Devlet Giray I (1550–1577). Therefore, the deposits’ chronological position lays from the late first quarter / mid-sixteenth century to the last quarter of the sixteenth or possibly early seventeenth century. This date is indirectly confirmed by the lack of clay smoking pipes in the layer, which were widely used in the Crimea most likely from the second half or late (?) seventeenth century on.

The overwhelming majority of the finds from the ashy layer are different pottery fragments. More than a half of them are re-deposited from earlier assemblages and therefore could not be used as the characteristics of the material culture of the layer formation period. Among them are fragments of roof-tiles, mediaeval *pithoi* from different periods, amphorae, and local and imported kitchen- and tableware (including glazed vessels) from 700/1000–1200/1400.

There are also striking ceramic wares from the late Genoese period: unglazed “South-Western Crimean Ware” with white engobe painting and glazed “South-Eastern Crimean Ware” (open

vessels, fine *kumgans* [washing ewers], oil lamps with finger-made deformation of the rim for a wick, etc.). Numerous parallels are found in fifteenth-century layers and complexes. It is likely that they were used for some time in the early Ottoman period, at this moment finally coming out of use. Similar trends are discovered by the study of an ash heap near the square tower of Alouston fort.

The collection of ceramic wares from the next period is also quite numerous and diverse, including a variety of categories, groups and types of non-glazed and glazed capacitive household ware of significant interest for the study of the features of ceramic complex in the south-eastern Crimea in the Ottoman period.

From the differences in the body, production technology, and decorative style we might reasonably divide ceramic vessels into groups, three of unglazed and three of glazed pottery. The latter is generally local “Crimean Ware,” mostly deep bowls with low ring-feet, dishes, pots, *tuvaks* (chamber pots), and oil lamps, made of finely purified clay with a small amount of inclusions of finely crashed grog, with monochrome green or greenish-yellow glazing, without additional decorations. Interesting are semi-finished products, engobed but not glazed, which may testify to their local production. Thick-walled bowls with bi-chrome colouring of undetermined origin are also quite numerous. They consist of a wide range of forms with massive walls, sandy fabric, and variously designed outer surface. Especially interesting among them is a bowl with an Arabic inscription in sgraffito technique on both sides. The third group consists of a fragmented white-clay coffee cup with cobalt painting of Ottoman origin.

In general, the analysis of the pottery excavated from the ash heap of the Ottoman period testifies to significant changes in the material culture of the inhabitants of the Crimean coast under the influence of the Porte’s cultural traditions throughout a relatively short time span. This way, the case of the assemblage under study apparently shows that new types of pottery almost completely

displaced old forms, and the decoration of household ware from the late first quarter to the mid-sixteenth century demonstrated predominantly different traditions and tastes. There is mostly Ottoman pottery among the imports.

В. В. Майко
Е. Я. Туровский
А. А. Филиппенко
М. В. Ступко

ПОЛИВНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ КЕРАМИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X в.
ИЗ РАСКОПОК ЗОЛЬНИКА ВБЛИЗИ 13 КУРТИНЫ
ЮЖНОГО УЧАСТКА ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Комплекс византийской поливной керамики из материалов раскопок зольника вблизи 13 куртины южного участка обороны Херсонеса в настоящее время является одним из наиболее богатых и разнообразных для этого византийского центра Таврики. К сожалению, большинство изделий фрагментарно, но, тем не менее, они представляют все известные типы и варианты этой категории посуды и, что самое главное, датируются в достаточно узких хронологических рамках второй половины X в.

Большинство сосудов изготовлено из белой каолиновой глины, но присутствует и группа изделий, выполненных из розовой глины, в том числе с явными следами брака.

Большинство сосудов представлено тарелками открытого типа разной морфологии под поливой темно-зеленого, «арбузного» и желтого цвета с более или менее ярко выраженным рельефовидным венчиком самых разнообразных, в том

числе до этого неизвестных вариантов. С внутренней стороны венчик часто украшен рельефными точками, чаще волнистым орнаментом, прослеженным, в некоторых случаях, и с внешней стороны, включая и тулово. К сожалению, ни одной археологически целой формы не сохранилось, однако кольцевые поддоны так же отличаются разнообразием. Встречены низкие цилиндрические экземпляры, но присутствуют и высокие конические или сложно профилированные, иногда раздутые поддоны более характерные для крупных форм.

Вторую по численности группу сосудов образуют так же разнообразные по морфологии тарелки открытого типа с уплощенным или кососрезанным подтреугольным в сечении венчиком. Крупные формы среди них встречены реже. Кольцевые поддоны так же отличаются разнообразием. Отдельную, немногочисленную, но стабильную группу среди их образуют тарелки полусферической формы.

Значительный процент находок составляют небольшие открытого типа мисочки под поливой грязно-желтого цвета с уплощенным кососрезанным венчиком, часто имеющим небольшой паз для крышки, на невысоких кольцевых поддонах. Большой их процент изготовлен из глины розового цвета.

Следующая по численности группа сосудов представлена, как белоглиняными, так и розовоглиняными морфологически разнообразными двуручными кубками под поливой темно-желтого и желтого цвета на невысоком кольцевом, значительно реже узком коническом поддоне. Интересен подобный кубок в виде квадрифолия под поливой желтого цвета.

Конические глубокие разные по морфологии двуручные курильницы с рельсовидным венчиком в материалах рассматриваемого зольника не являются ведущими формами. Среди них совсем малый процент составляют курильницы с подтреугольным в сечении венчиком, видимо, более характерные для первой половины X в.

Небольшой процент керамического комплекса составляют горшочки под поливой темно-зеленого и желтого цвета с прямостоящим уплощенным венчиком, в том числе с рельефными налестками на месте верхнего прилепа ручки и рельефными вертикальными полосами по тулову. Немногочисленны, но довольно разнообразны по морфологии крышки, в том числе с шишечкой по центру и прямостоящим выделенным бортиком, украшенные рельефным волнистым орнаментом. В единичных экземплярах присутствуют и миниатюрные мисочки на небольших кольцевых поддонах.

К изделиям редких форм можно отнести фрагмент сложнопрофилированного подсвечника на четырехгранной ножке под поливой зеленого цвета, украшенного рельефным волнистым орнаментом с отверстиями, а так же фрагмент поливной антропоморфной фигурки, венчик оранжевоглиняной ойнахой под поливой оливкового цвета и неполивную петлеобразную белоглиняную ручку светильника.

Интересной традиционно немногочисленной, но разнообразной является группа расписной керамики. Она представлена разнообразными тарелками и блюдами открытых форм с растительным и геометрическим орнаментом, нанесенным, в том числе, и с внешней стороны изделия. Выделим разнообразные по морфологии кольцевые поддоны с расписным шахматным орнаментом, а так же с изображением животного семейства кошачьих контуры которого и пятна на шкуре выполнены черным, а сама фигура — оранжевым цветом на темно-зеленом фоне.

В единичных случаях на некоторых группах керамики отмечены орнаментальные мотивы, выполненные в технике сграффито. Это, чаще всего простейшие волнистые орнаменты, редко в виде волнистой линии с рельефными точками. Сетчатый орнамент, как и орнамент в виде рядов лепестковых налестков, тонированных разными красками, встречены в

единичных случаях. Сказанное справедливо и по отношению к дипинти и буквенным граффити.

Уникальной по количеству и разнообразию сюжетов является коллекция рельефных изображений, встреченных на сосудах разных типов. Это несколько вариантов крестов, лепестковых розеток, различных по морфологии изображений птиц, рыб и животных, в том числе фантастических, в традиционных медальонах. Выделим полностью сохранившееся изображение сирина.

VADIM MAIKO
EVGENII TUROVSKII
ALEKSANDR FILIPPENKO
MIKHAIL STUPKO

**BYZANTINE GLAZED WARES
FROM 950–1000 EXCAVATED IN A CINDER HEAP
NEAR CURTAIN WALL 13 AT THE SOUTHERN
FORTIFICATION OF CHERSONESOS:
PRELIMINARY INFORMATION**

The complex of Byzantine glazed wares excavated from a cinder heap near curtain wall 13 at near the southern fortification of Chersonesos is currently one of the richest and most diverse in this Byzantine centre of the Crimea. Unfortunately, almost all the artefacts are fragmented, but nevertheless, they present all known types and variants of this category of vessels and, importantly, date to a narrow chronological period of 950–1000.

Most of the vessels are made of white kaolin clay, but there is also a group of pink-clay ware, including those with visible flaws.

Most vessels are open-type plates of different morphology, covered with dark green, “watermelon,” and yellow glaze with

more or less pronounced rail-shaped rim of different, including previously unknown, variants. The inner surface of the rim is often decorated with relief pellets and, often, wavy patterns, in some cases on the outer surface, the body in particular. Unfortunately, no archaeologically complete vessel survived, but ring-foots are also of varied forms. There are low cylindrical ring-foots, as well as high conical or complicated-profiled and sometimes inflated stems typical of bigger vessels.

The second largest group of vessels consists of open plates of various morphology, with flattened or obliquely-truncated rim of sub-triangular cross-section. Large forms are rare. Ring-foots are varied as well. Hemispherical plates form a particular, small but stable group.

A significant percentage of finds are small open bowls with low foot-rings, dirty-yellow glaze, flattened obliquely-truncated rim, often with a small notch for the lid. Many of them are of pink clay.

Next largest group of vessels are white-clay and pink-clay bi-handled cups of varied morphology, covered with dark-yellow and yellow glaze, with small ring-foot or, much rarely, narrow conical base. There is an interesting quatrefoil cup, yellow-glazed.

Deep conical bi-handled censers of varied morphology with rail-shaped rim are not leading forms in the materials of the cinder heap under study. Among them are very few censers with rim of sub-triangular cross-section, probably more typical of 900–950.

A small percentage of the pottery complex under study is formed by dark-green- or yellow-glazed pots with a straight flattened rim, including those with relief appliquéés at the top handle junction and embossed vertical stripes on the body. There are a few lids of varied morphology, including those with a knob in the middle and straight pronounced border, decorated with relief wavy patterns. In rare instances, there are also miniature bowls with small ring-foots.

Rare forms include a fragment of a candlestick of complicated profile, with tetrahedral foot, green-glazed and decorated with relief wavy pattern with holes, as well as a fragment of glazed anthropomorphic statuette, orange-clay olive-glazed oenochoe rim, and unglazed white-clay loop handle of a lamp.

A group of painted ware, although traditionally small, is of interest, too. It consists of various open plates and dishes with floral and geometric patterns, particularly applied to the outer surface. Let us underline ring-foots of various morphology, with painted chequered design and catlike animal with blackened contours and skin spots and orange figure against dark-green background.

There are isolated cases of sgraffito ornamentation on certain pottery groups. Most often, there are simple wavy patterns, rarely a wavy line with relief pellets. Networks and petal reliefs tinted with different colours are very few, as well as dipinti and graffiti of letters.

A collection of reliefs on various vessels presents unique number and diversity of topics. There are several kinds of crosses, petal rosettes, birds, fish and beasts of different morphology, including monsters, within traditional medallions. Let us call the attention to a completely preserved siren.

М. МАНОЛОВА-ВОЙКОВА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В БАЛЧИКЕ (БОЛГАРИЯ)

Предметом настоящего доклада является неопубликованная коллекция византийской посуды, которое хранится в Археологическом музее Балчика. Она происходит из археологических исследований холма Гинни-Баир, расположенного недалеко от современного города. Археологические исследо-

вания на Гинни-Баир началась в 1978 г. и продолжались с некоторыми перерывами до 1986 г. В это время было обнаружено поселение, состоящее из многочисленных жилых и торговых помещений с богатым инвентарем, которое датируется XI – XIV вв. Археологические находки с Гинни-Баир дали многим болгарским ученым основание связать средневековое городище с городом Карвуна, которое часто упоминают болгарские, византийские и итальянские источники и портоланы начиная с XI в. Однако в силу различных объективных и субъективных обстоятельств археологический материал оставался неопубликованным, а большая часть полевой документации за последние 40 лет утрачена. В настоящее время имеется замечательная коллекция византийской керамики, которая, даже в отсутствии связи с конкретным археологическим контекстом, дает хорошее представление об образе жизни средневековой Карвуны и о торговых связях с Константинополем, которые город поддерживал в течение нескольких столетий.

Керамика из Балчикского музея включает поливные блюда, чаши, кубки и кувшины, которые можно отнести к некоторым наиболее распространенным классам посуды средневизантийского времени.

Во второй половине XI – XIII вв. самым распространенным типом столовой посуды в Карвуна была поливная белоглиняная керамика «GWW IV». Помимо обычных поливных сосудов, многие экземпляры имели расписной орнамент или были декорированы пятнами марганца «в набрызг». Роспись, зачастую с подцвечиванием, делалась зеленым, коричневым и синим цветом. Некоторые блюда, чаши и кубки оформлены зелеными или коричневыми пятнами под тонким слоем желтоватой или зеленоватой поливы.

На протяжении XII в. использовались красноглиняные блюда с росписью ангобом под бесцветной или желтоватой глазурью, а также изделия с росписью зеленой и коричневой краской.

Древнейшие импортные изделия в технике сграффито датируются второй половиной XII в. В основном это блюда из мягкого оранжево-красного теста с аккуратным врезным орнаментом, иногда дополненным росписью зеленой и коричневой краской, которые относятся к классам «Fine Sgraffito Ware» и «Painted Fine Sgraffito Ware».

К византийской керамике конца XII – XIII вв. относятся многочисленные блюда и чаши с врезным орнаментом и в технике «champlevé».

В течение XIV в. местное производство постепенно вытесняет более дорогую импортную керамику. Единственный класс византийской керамики, который еще встречается в Карвуне, — изделия типа «Elaborate Incised Ware».

MARIYA MANOLOVA-VOYKOVA

**BYZANTINE GLAZED POTTERY
FROM THE COLLECTION OF THE ARCHAEOLOGICAL
MUSEUM IN BALCHIK (BULGARIA)**

The subject of this report is one still unknown collection of Byzantine vessel, which is stored in the Archaeological Museum of Balchik. It originates from the excavation of Ginny Bair hill located near the modern town. Archaeological surveys on Ginny Bair began in 1978 and continued, with some interruption, until 1986. In that period a settlement with numerous residential and commercial premises with rich inventory dated back from the eleventh to fourteenth century was revealed. The archaeological discoveries on Ginny Bair gave reason to many Bulgarian researchers to connect the site with the mediaeval town Karvuna that after the eleventh century had often been mentioned in Bulgarian, Byzantine and Italian documents and *portolan* charts. However,

due to various objective and subjective reasons the archaeological material remained unpublished and in the course of the last 40 years the major part of the fieldwork documentation was lost. At present there remains a remarkable collection of Byzantine pottery, which even if presented without its specific archaeological context gives a good idea about the lifestyle of the medieval Karvuna and trade relations, which for several centuries it had maintained with Constantinople.

The pottery from Balchik museum comprises glazed dishes, bowls, cups and pitchers which can be connected with some of the most widespread classes of Middle Byzantine ceramics.

In 1050–1300, GWW IV was the commonest tableware in Karvuna. Along with the plain glazed vessels, many examples with painted and speckled decoration can be seen. Painted motifs, frequently blurred, are executed in green, brown and blue. Some dishes, bowls and cups have a decoration of green or brown specks under the thin layer of yellowish or greenish glaze.

During the twelfth century in use were red-bodied dishes with slip-painted decoration under a colourless or yellowish glaze, as well as green and brown painted wares.

The earliest imports of the Sgraffito Ware should be assigned to 1150–1200. These are mostly dishes of a soft orange-red fabric with finely incised decoration, occasionally with additional painted in green and brown ornaments which refer to the Fine Sgraffito Ware and Painted Fine Sgraffito Ware.

Late twelfth and thirteenth century Byzantine pottery is evidenced by numerous dishes and bowls with incised and champlévé decoration.

During the fourteenth century, domestic production was gradually displacing the more expensive imported pottery. The only Byzantine class that at that time still spread in Karvuna was the Elaborate Incised Ware.

В. Е. Науменко, А. А. Душенко

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА
ИЗ РАСКОПОК ДВОРЦА ПРАВИТЕЛЕЙ
КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО (МАНГУП)
ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2006–2010 ГГ.**

Традиционным направлением работы Мангупской археологической экспедиции, имеющей постоянный статус с 1967 г., является исследование памятников периода княжества Феодоро (60-е гг. XIV в. – 1475 г.). На сегодняшний день, в целом можно считать завершенным изучение одного из наиболее ярких объектов этого времени — цитадели на мысу Тешкли-Бурун, позволившее получить разнообразную информацию об оборонительной системе, культовых постройках, жилой застройке и материальной культуре обитателей акрополя городища. Другим, не менее перспективным, районом застройки этого времени представляется участок в центральной части Мангупского плато, архитектурной доминантой которого выступают руины дворцового комплекса правителей Феодоро. Являясь уникальным примером дворцового зодчества в средневековой истории Крыма, он лишь недавно был подвергнут археологическим исследованиям на широкой площади, что позволило уверенно решать вопросы общей планировки и хронологии комплекса.

Впервые археологические раскопки княжеского дворца были осуществлены в 1912–1913 гг. директором Херсонесского музея Р. Х. Лепером. Частично были открыты башня-донжон, монументальное двухэтажное здание с примыкающими крытыми галереями с колоннадой и двором, обнесенные стеной-оградой. Найденная строительная плита с датой 1425 г. позволила выдвинуть вполне вероятную гипотезу о времени сооружения комплекса. Отмеченные архитектурные объекты дворцового комплекса изучались в

ходе археологических работ 1938 г. (А. Л. Якобсон) и 1968 г. (Е. Г. Суров), которые показали наличие нескольких строительных периодов в жизни памятника. Попытка исследования южной периферии дворцового комплекса была предпринята в 1974 г. Е. В. Веймарном. Однако, к сожалению, результаты этих полевых исследований по различным причинам не были своевременно опубликованы.

Археологическое изучение Мангупского дворца было возобновлено в 2006 г. и продолжается до настоящего времени. За этот период на площади почти 3000 м² произведена расчистка, инструментальная съемка и полное исследование открытых в прежние годы отдельных архитектурных компонентов комплекса. Кроме того, к числу важнейших результатов раскопок следует отнести:

— Установление достаточно узкой хронологии ансамбля — в пределах второй-третьей четверти XV в. (около 1425–1475 гг.), погибшего в пожаре во время осады Мангупа турками-османами осенью 1475 г.;

— Подтверждение гипотезы о строительстве дворца на месте жилой и хозяйственной застройки XIV в., на что, в свое время, указывали А. Л. Якобсон и Е. В. Веймарн. Кроме того, новейшие исследования комплекса свидетельствуют об использовании данного участка Мангупского плато жителями городища и в раннесредневековое время;

— Открытие и исследование новых объектов, входивших в дворцовый комплекс. Прежде всего, речь идет о так называемой «южной улице» с примыкающими жилыми и хозяйственными сооружениями, которая изучалась в течении 2006–2010 гг. Не менее перспективными являются раскопки застройки к западу от центральных объектов памятника, которые могут кардинально изменить современные представления о его общей планировке.

Важнейшей датирующей категорией археологического материала из раскопок Мангупского дворца, наряду с эпиграфическими и нумизматическими находками, является глазу-

рованная керамика. В настоящем докладе представлен обзор поливной посуды византийского происхождения из исследований 2006–2010 гг.

Нужно сказать, что большая часть византийской поливной керамики связана с археологическими контекстами, явно предшествующими времени сооружения и функционирования дворца. Это группы белоглиняной поливной керамики («Glazed White Ware I, II, IV»), «Aegean Ware», «Zeuxippus Ware» и различные производные, «Elaborate Incised Ware», «Slip-Painted Ware», «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito and Champlévé Ware» и другие.

В то же время, глазуванная керамика византийского круга продолжала поступать в качестве импорта на территорию Мангупского городища и в период 1425–1475 гг. Ярким примером такого рода поздневизантийской поливной посуды, сформированной из рыхлого, непластичного глиняного теста с включениями карасана и песка, являются миска типа «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito and Champlévé Ware» и кубки типа «Slip-Painted Ware», происходящие из закрытого археологического комплекса 1458/59–1475 гг. (заполнение ямы №29), открытого на площади южного участка исследований в 2009 г.

VALERII NAUMENKO
ANTON DUSHENKO

**BYZANTINE GLAZED WARES EXCAVATED
AT THE PALACE OF THE THEODORO PRINCIPALITY
RULERS (MANGUP) ACCORDING
TO THE 2006–2010 RESEARCHES**

From 1967 on, the Mangup Archaeological Expedition traditionally focused on the study of the sites dated to the period of

the Theodoro principality (1360s–1475). Now the research of a striking object of the period, the citadel at Teshkli-Burun promontory, is almost completed, supplying varied information on the defensive system, religious buildings, residential area, and material culture produced by those who lived in the settlement acropolis. Another promising area of buildings from the same period is in the central part of the Mangup plateau with the ruins of palace assemblage of the Theodoro rulers as its architectural dominant. A unique example of palace architecture in the medieval history of the Crimea, it has recently been a subject of wide-scale archaeological research, which uncovered the particulars of its general planning and chronology.

Chersonesos museum director R. H. Leper was the first excavator of the princes' palace in 1912–1913. There were partially uncovered a donjon, monumental two-storey building with annexed to it covered galleries, a colonnade, and a courtyard, all encircled with a fence wall. The slab showing the year 1425 suggests a quite plausible construction date for the complex. The said architectural sites of the palace were studied by archaeological researches in 1938 (A. L. Iakobson) and 1968 (E. G. Surov), who showed that the site included several construction periods. E. V. Veimarn tried to investigate the southern periphery of palace in 1974, but, unfortunately, the results of his field research were not published in time due to specific reasons.

Renovated in 2006, archaeological research of Mangup palace has been continuing to this day. So far the area of almost 3,000 m² was uncovered, instrumental survey and full-scale secondary investigation of specific architectural components excavated in previous years has been done. In addition, the most important excavation results include:

— The establishing of they narrow chronology of the ensemble: ca. 1425–1475; it perished in fire when the Ottomans besieged Mangup in the fall of 1475.

— A. L. Iakobson's and E. V. Veimarn's hypothesis that the palace was constructed on the site of fourteenth-century residential and household buildings has been confirmed. Moreover, recent investigation points out that this area of Mangup plateau was resided in the early mediaeval period as well.

— New components of the palace complex have been studied, and primarily the so-called “southern street” with annexed residential and household buildings, by the 2006–2010 research. No less promising is the excavation of urban buildings west of the central site, which might dramatically change the modern knowledge of its general plan.

Apart from epigraphy and numismatics, the most important archaeological material category excavated at the Mangup palace is glazed wares. This paper presents an overview of the glazed pottery of Byzantine origin uncovered in 2006–2010.

It is worth mentioning that the most of Byzantine glazed wares are related to archaeological contexts which definitely preceded the construction and life of the palace (such groups as Glazed White Wares I, II, and IV, Aegean Ware, Zeuxippus Ware and its various derivatives, Elaborate Incised Ware, Slip-Painted Ware, Polychrome [Brown and Green] Sgraffito and Champlévé Ware, etc.).

Nevertheless, the importation of glazed pottery of the Byzantine circle to Mangup settlement continued in 1425–1475. A striking example of this late Byzantine glazed pottery of a mellow non-plastic clay with inclusions of fine grog and sand are a bowl (Polychrome [Brown and Green] Sgraffito and Champlévé Ware) and beakers (Slip-Painted Ware) from a closed archaeological assemblage dated o 1458/59–1475 (infill of pit no. 29), discovered in the southern excavation area in 2009.

Н. Озкул-Фындык

ВИЗАНТИЙСКАЯ БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ИЗНИКА

Город Изник в провинции Вифиния на территории Турции являлся важным центром производства керамики и черепицы. Бывший политико-административным центром на протяжении эллинистического, римского и византийского времени, он сохранил эту функцию и после османского завоевания 1331 г. В результате раскопок на территории Изника получены некоторые данные о керамике и черепице указанного времени.

Настоящей работой вводится в научный оборот византийская белоглиняная керамика, найденная при раскопках римского театра в Изнике в 1980–1995 гг., а также анализируется ее глина, полива и технологические особенности. Римский театр в Изнике был построен во II в. н. э., а в VIII в. его камни пошли на сооружение валов для защиты от арабского нашествия, в результате чего здание театра сильно пострадало. Позднее, в византийское время, внутренняя часть кавей стала кладбищем, а в XII в. здесь построили трехнефную церковь. Раскопки 1980–1995 гг. обнаружили множество фрагментов керамики, относящихся к периодам начиная с эллинистического, а в большинстве своем — византийского и османского времени. В Османский период внутри кавей построили керамическую мастерскую — раскопками открыты восемь керамических печей, а также много готовых керамических изделий, полуфабрикатов и печного припаса. Находки фрагментов заготовок с подглазурным покрытием, неглазурованных, с врезным орнамента и печного припаса, в частности треножных подставок, показывают, что производство, вероятно, существовало также в византийское время. Поскольку стратиграфирование раскопок не проводилась, трудно оценить результаты в хронологическом порядке. Керамика из

римского театра в Изнике может быть датирована только по сопоставлению с материалами других центров. Поскольку находки керамики указывают на непрерывное производство в IX – XVII вв., можно предположить, что Изник был уникальным центром керамического производства в эпоху средневековья и в Новое время.

Хотя открытые в Изнике черепица и керамические мастерские османского времени стали предметом подробного анализа и последующих публикаций, византийская керамика изучена плохо, лишь в нескольких статьях. К тому же, в Изнике найдено большое количество керамических фрагментов с красно-белым тестом. Эти изделия известны в таких центрах как Стамбул, Коринф и Афины, но, к сожалению, материалы Изника до сих пор не опубликованы.

В IX – XII вв. белоглиняная керамика преобладает среди предметов византийского производства. Ее характеристики отличаются — например, цвет может быть белым и иногда — розоватым, тесто средне или плохо отмучено, средней или слабой плотности. В самом общем виде, керамические изделия, обнаруженные при раскопках театра, можно разделить на три основные группы в соответствии со способом нанесения декора — в технике росписи, штамповки и монокромной поливы.

Белоглиняная полихромная поливная керамика найдена в Изнике в таком же количестве, что и в некоторых основных византийских центрах — Коринфе, Афинах, Стамбуле и Херсоне. Контур черного цвета заполняют многоцветные изображения — синие, зеленые и желтые. Наиболее характерной особенностью этой группы является красные точки, заполняющие поверхность. Они покрыты бесцветной, прозрачной, тонкой поливой.

Наиболее богатая группа находок — керамика в технике «штамповки», изготовленная из глины с небольшим количеством или без примесей, орнаментированная особенно на

придонной части, и покрытая, как правило, желтой, а в редких случаях зеленой поливой. На внутреннюю поверхность дна нанесены фигуры людей и животных (очень часто птиц), фантастических существ (грифонов), листы клевера и кресты. Найдено много фрагментов на низком поддоне.

Некоторые сосуды в технике «штамповки» на внутренней поверхности орнаментированы красной или коричневой краской (полуциркулярными или каплевидными элементами или короткими вертикальными линиями) и покрыты монохромной глазурью. Обычные формы — блюда с вертикальным бортиком и безручные чаши. Имеются изделия с лепестковым орнаментом. На белоглиняную керамику без орнамента и подглазурного покрытия нанесена одноцветная желтая или зеленая полива, причем глазурь целиком покрывает внешнюю поверхность изделия. Довольно много мисок на поддоне, некоторые из них — с разноцветной поливой.

Чрезвычайно богатая традиция керамического производства в Изнике византийского времени впоследствии была унаследована османами.

NURŞEN ÖZKUL FINDIK

BYZANTINE WHITE WARE IN IZNIK

Iznik, which is in Bithynia region of Turkey, is an important ceramic and tile centre. A political and governmental centre in the Hellenistic, Roman, and Byzantine periods, it continued to be such after the Ottomans conquest in 1331. Excavations in Iznik supplied certain data on ceramics and tiles from the said periods.

This paper will introduce Byzantine glazed white ware found in Iznik Roman theatre by 1980–1995 excavations with account to the paste, glaze, and technique. The Roman theatre of Iznik was built in the second century AD, and in the eighth century

its stones were dug out and used for the ramparts aimed against Arabian invasion, therefore the building was ruined largely. Later, in the Byzantine period, the inside of the *cavea* has been used as a graveyard, and in the twelfth century a three-nave church was built there. The 1980–1995 excavations discovered a lot of ceramic fragments starting from the Hellenistic period, but most of them are from the Byzantine and Ottoman periods. During the Ottoman period, a ceramic workshop was built inside the *cavea*, so eight pottery kilns were excavated and a lot of finished and half-finished products, ceramic fragments, and kiln materials were found. The finds of unfinished fragments with undercoating, unglazed, or carved ornaments and kiln materials such as tripods indicate that there probably was a production during the Byzantine period as well. Since the excavations were not stratigraphical, it would be hard to evaluate the finds in chronological way. The ceramic wares from Iznik Roman theatre could be evaluated only with comparison to the other centres. From the ceramic finds showing a continuous production between the ninth and seventeenth century I might suppose that Iznik was a unique ceramic centre both in the Mediaeval and Modern periods.

Although Iznik ceramics, tiles, and pottery workshops from the Ottoman period were subjects to a detailed examination and publications, the Byzantine ceramics were debated scanty, by a few articles only. A lot of white-red clay fragments were found in Iznik. These wares are known from such centres as Istanbul, Corinth, and Athens, but the problem is that the Iznik materials were not published.

From the ninth to twelfth century, white-pasted ware dominated in the Byzantine ceramic art. It had varied features, such as white or sometimes pinkish tone, medium or a little mixed, soft or medium hard fabric. This ceramic group, which was found by the theatre excavations, can be divided, in a very general meaning, to three main groups according to decorating techniques: painting, impressing, or monochrome glazing.

White-pasted, multi-coloured, glazed ware is found in Iznik just like in some main Byzantine centres, such as Corinth, Athens, Istanbul, and Cherson. Its black contours are filled with different colours: blue, green, and yellow. The most characteristic feature of this group is red dotting as a surface filling. The glaze is colourless, transparent, and thin.

The richest group excavated is impressed ceramics. In this technique, the vessel of a little-mixed or pure clay is impressed in a mould, especially on the base, though its surface is generally yellow or in a few cases green glazed. Inside the bottom there are human and animal figures: birds, monsters (griffins), clover-leaves, and crosses. A lot of low-legged bottom fragments were found.

Some of the vessels decorated with press-mold or single color glaze technique have red or brown painted ornaments on their inner surfaces. The colors are painted with half circles, short vertical lines or drop shaped. The dish border pieces, handled bowls are the common forms. There are also examples of Petal wares. On the other hand the white pasted ceramics without ornament and undercoat and decorated with single colored glaze have yellow or green glazes and the outer surfaces are also completely glazed. Bowls with legs are quite many. Some of them has toning glazes.

This very rich tradition of ceramic production of the Byzantine period in Iznik was later inherited by the Ottomans.

ДЕМЕТРА ПАПАНИКОЛА-БАКИРТЗИ

РАННЕКИПРСКАЯ ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

Благодаря систематическим раскопкам и возрастающему интересу к находкам керамической посуды появляются материалы для изучения средневековой керамики, в частности, поливных изделий Восточного Средиземноморья. В этом

контексте существует банальный и общепринятый факт важных изменений в производстве поливной керамики в начале XIII в. Эти изменения охватывают весь спектр производства, распространения и торговли поливной посудой, подавляющее большинство которой представляет собой столовую керамику.

Изменения, произошедшие в производстве поливных изделий, можно определить следующим образом:

- географическая децентрализация мастерских;
- применение технологических новшеств;
- постепенное возникновение особенных локальных форм и размеров;
- постепенное утверждение характерного набора декоративных мотивов.

В данном докладе будет представлена, в указанных рамках, раннекипрская поливная посуда, а также рассмотрены вопросы о появлении и ранней фазе развития поливы на Кипре, то есть в регионе с уникальными историко-географическими характеристиками.

С 1191 г. Кипр был отрезан от центра Византии; некогда бывший провинцией Византийской империи, он превращается в независимое феодальное королевство под властью династии Лузиньянов французского происхождения. Однако в то же самое время, представляющее собой веху в истории острова, на Кипре отмечен феномен децентрализации производства поливной керамики, который наблюдается и на просторах всего византийского мира.

Находки, свидетельствующие о деятельности мастерских, где в начале XIII в. производилась поливная керамика, найдены в районе Пафоса. Многочисленные факторы и находки подтверждают наличие памятников производства, в том числе в селении Лемба (в 10 км к северу от города Пафос) и в Като-Пафосе.

Характерные особенности керамики пафосских мастерских описаны неоднократно; в кратких словах, к ним относятся достаточно грубая, твердая, глина насыщенно-красного цвета, которая имеет тенденцию к посерению при обжиге. Большая часть сосудов — это миски и тарелки средних размеров с характерным загнутым вверх кольцевым поддоном.

Целью данного доклада является изучение особенностей ранней посуды из мастерских Пафоса для понимания их связей и возможного происхождения. Кроме того, будет показана эволюция керамики из этих мастерских в новых обстоятельствах, сложившихся на Кипре (под влиянием крестовых походов), и изучены факторы, прежде всего связанные с торговлей, повлиявшие на изменения в форме, декоре и распространении посуды.

DEMETRA PAPANIKOLA-BAKIRTZI

EARLY CYPRIOT GLAZED POTTERY

Systematic excavations and increasing attention to pottery finds have provided doubtless evidence for the study of medieval pottery, in particular the glazed pottery of the Eastern Mediterranean. Within this context, there is a common and generally accepted idea that important changes are observable in the production economy of glazed pottery in the early thirteenth century. These changes encompass the entire spectrum of the production, distribution, dissemination, and trade in glazed pottery, the overwhelming majority of which are identified as table wares.

The changes that occurred in glazed pottery production may be grouped as follows:

- geographic decentralization of workshops,
- adoption of technological innovations,

- gradual creation of local features in shape-form, and
- gradual establishment of a specific repertoire of decorative motifs.

The presentation of our topic Early Cypriot glazed pottery will be within this framework, posing and answering relevant questions about the appearance and early phase of glazed pottery in a place like Cyprus, which presents unique historical and geographic characteristics.

From 1191, Cyprus was cut off from the Byzantine centre; after having once formed a province of the Byzantine empire, it was transformed into an independent feudal kingdom under the French dynasty of the Lusignans. However, during this same period, which was a historical landmark for the island, the phenomenon of decentralization of glazed pottery production observed in the wider Byzantine world was also noted in Cyprus.

Findings attesting to the activity of glazed pottery workshops in the early thirteenth century have been found in the Paphos region. Confirmed production sites with multiple indications and finds include the village of Lemba (10 kilometres north of Paphos town) and Kato Paphos. The typical features of pottery from Paphian workshops have been described repeatedly; briefly, these include rather coarse, hard, deep red clay with a tendency to turn grey during firing. The majority of vases are mid-sized plates and bowls with a characteristic upturned ring base.

The goal of this presentation is to examine the features of the early vases from the workshops of Paphos to investigate their relations and possible origins. In addition, it will follow the development of the pottery from these workshops in the new environment of Cyprus (that of the Crusades) and examine the factors influencing changes in form, decoration, and dissemination, primarily commercial.

Л. В. СЕДИКОВА

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ УСАДЬБЫ 1 ЮЖНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА

Ансамбль поливной керамики из раскопок Херсонеса традиционно считается одним из важнейших источников для характеристики торгово-экономических связей Северного Причерноморья в средневековую эпоху. Вместе с тем, ряд традиционных датировок и интерпретаций поливной керамики нуждается в пересмотре.

В 2001–2002 гг. совместной экспедицией Херсонесского заповедника, Института классической археологии Техасского университета (США) и университета Саленто (Италия) в Южном районе Херсонеса была исследована усадьба, входившая в состав жилого квартала. В ходе раскопок было выявлено несколько слоев, относящихся к средне- и поздневизантийскому периодам истории города. Археологические комплексы содержали яркие находки, среди которых выделяется поливная керамика.

Самые ранние поливные изделия происходят из засыпи водосборной цистерны, предшествовавшей последней регулярной застройке усадьбы. Датированные находки — белоглиняная поливная керамика группы «Glazed White Ware II» и блюда для подогрева пищи («chafing dishes»). Местом производства этой керамики, вероятно, является район Константинополя. Время образования засыпи цистерны с находками — XI в.

Наиболее информативным является слой катастрофического разрушения квартала. Наибольшая концентрация находок приходилась на помещение 26, интерпретируемое нами как таверна. Среди находок — поливная белоглиняная керамика («Glazed White Ware IV») столичного производ-

ства, «Зевкисипова керамика» («Zeuxippos Ware»), керамика с врезным орнаментом сграффито («Incised Sgraffito Ware»), возможными производителями которой называют Эгейский регион, Кипр и Константинополь, посуда с подглазурной росписью ангобом («Slip-Painted Ware»), аналоги которой известны на территории Греции, Кипра, и полихромная и монокромная керамика с орнаментом сграффито («Polychrome and Monochrome Sgraffito Ware»). Подобная полихромная керамика часто связывается с имитациями изделий порта Сен-Симеона, широко распространенными в Северо-Восточном Причерноморье. Редкими находками является посуда из фритты («Islamic Fritware»), производство которой, чаще всего, связывают с Сирией.

Весь набор поливной посуды, по всей вероятности, относится к импорту. Вопрос о производстве поливной керамики в Херсонесе остается открытым.

По сочетанию циклов датирующего материала катастрофическое разрушение города и данного квартала в том числе, может быть отнесено к периоду около середины XIII в.

Через какое-то время после разрушения, на руинах разрушенного дома возникли какие-то сооружения, от которых на момент раскопок осталась лишь одна стена и отрезок водосточного канала. С этим периодом жизни квартала связаны находки нескольких поливных сосудов. Фрагмент кувшина с орнаментом в технике «champlevé» («Elaborate Incised Ware») византийского производства второй половины XIII – XIV вв. В этом же потревоженном слое найдены монокромные поливные сосуды, близкие турецким образцам XV – XVII вв.

Анализ материала позволяет заключить, что поливная посуда из раскопок усадьбы представлена импортными образцами, отражающими связи Херсонеса с византийскими центрами — Константинополем, Эгейским регионом, Малой Азией, а также с мусульманским Ближним Востоком.

LARISSA SEDIKOVA

**GLAZED WARE FROM COMPLEX 1
IN THE SOUTH REGION OF CHERSONESOS**

The ensemble of glazed wares excavated in Chersonesos is traditionally considered an important source to reconstruct trade and economical connections in the northern Black Sea area in the Mediaeval period. However, some of traditional dates and interpretations require reconsideration.

In 2001–2002, the joint expedition of the Chersonesos Preserve, Institute of Classical Archaeology at the University of Texas in Austin (USA), and the University of Salento (Italy) investigated a house that formed a part of a residential quarter in the south region of Chersonesos. The excavations uncovered several layers from the Middle and Late Byzantine periods of the city's history. The archaeological assemblages contained striking finds, glazed ware in particular.

The earliest glazed artefacts originate from the fill of a water cistern that preceded the latest regular building at the house. The dating finds are pottery of the type Glazes White Ware II and chafing dishes. These wares were probably made in the area of Constantinople. The cistern fill with the finds in question appeared in the eleventh century.

The most informative is the layer of a catastrophic destruction of the quarter. The most concentration of finds was in room 26, which we interpreted as a tavern. Among the finds are Glazed White Ware IV manufactured in the imperial capital, Zeuxippus Ware, Incised Sgraffito Ware, which was possibly produced in the Aegean area, Cyprus, and Constantinople, Slip-Painted Ware with its parallels known in Greece and Cyprus, and Polychrome and Monochrome Sgraffito Ware. Similar polychrome ware is often related to imitations of the Port St. Symeon Ware, which were widely distributed

in the north-eastern Black Sea area. Rare finds are Islamic Fritware, which production is most often related to Syria.

By all appearance, the entire glazed ware set was imported. The problem of glazed ware manufacture in Chersonesos remains open.

From the combination of cycles of dateable materials, we might reasonably date the catastrophic destruction of the city and this quarter in particular to the mid-thirteenth century.

Some time after the destruction, new constructions appeared on the ruins of the dilapidated house, of which only a wall and a section of a drainage channel survived to the excavation date. This period of the quarter is related to several glazed vessels found there. A fragment of Champlevé Ware (Elaborate Incised Ware) of Byzantine origin dates back to 1250–1400. The same disturbed layer contained monochrome glazed vessels similar to Ottoman pottery from 1400–1700.

The analysis of the materials in possession suggests that the glazed wares excavated in the house are imports indicating Chersonesos' connections with Byzantine centres, such as Constantinople, Aegean area, Asia Minor, as well as Islamic Near East.

И. Б. ТЕСЛЕНКО

**ВИЗАНТИЙСКАЯ КЕРАМИКА ГРУППЫ
«ELABORATE INCISED WARE»
ИЗ УСАДЕБ XIV в. ГОРОДИЩА ЛУСТА
(СОВРЕМЕННАЯ АЛУШТА, КРЫМ)¹**

Городская застройка Лусты XIV в. сформировалась после тотального пожара, уничтожившего городище в последней

¹ Работа выполнена при поддержке Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины.

четверти XIII в. и связываемого в историографии с походами Ногая 1278 или 1299 гг. О темпах восстановления и динамике роста этого населенного пункта после произошедшей катастрофы судить сложно, однако на основании анализа материала одной из усадеб, более-менее уверенно можно говорить о том, что примерно к середине XIV в. его территория значительно увеличивается, застраиваемая каменными домами. Появляется как минимум три новые линии городских улиц за пределами цитадели, повторяющие ее восточный контур. В последней трети XIV в. случается очередной масштабный пожар. И хотя в этот раз трагическое происшествие не повлияло на общую планировку городской застройки (после некоторых ремонтов и реконструкций дома продолжают существовать на том же месте вплоть до турецкого вторжения 1475 г.), тем не менее, связанные с ним культурные слои и следы последовавших затем реконструкций достаточно отчетливо выражены в стратиграфии памятника. Именно из археологических комплексов, образовавшихся в промежутке между пожарами конца XIII и последней трети XIV вв. происходит большинство (69%) стратифицированных находок византийской керамики группы «Elaborate Incised Ware» (EIW). 31 % изделий найдено в перемещенных отложениях в черте городища.

За весь период исследования городища Луста (1982, 1984–1993, 1998 гг.) обнаружено 13 полностью или частично реконструируемых сосудов сопоставимых с этой группой изделий — это наиболее массовая группа дальних керамических импортов, найденных на городище. Характерные признаки группы — насыщенный оранжево-красный цвет черепка, формовочная масса с примесью мелкозернистого песка, использование сграффито в сочетании выемчатой техники декора, покрытие желтой поливой внутри и зеленой снаружи, тонкие стенки готовых изделий. В алуштинской коллекции представлены два типа сосудов: колоколовидный кубок с плоским дном и полусферические чашки на достаточно вы-

соких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра. Орнаментация изделий весьма разнообразна. Среди основных элементов украшения представлены различные розетки, плетенки, зигзаги, шахматный орнамент, кипарисы, фигуры голубей и льва.

Аналогичные «EIW» хорошо известны на памятниках Восточного Средиземноморья и Причерноморья (Салоники, Афины, Крит, Константинополь, Никея, Эфес, Калиакра, Варна, Несебр, Белгород-Днестровский, Каффа, Азак пр.). В большинстве публикаций «EIW» датируется достаточно широко в рамках второй половины XIII – XIV вв. Однако в Каффе и Азаке эти изделия встречаются в комплексах не ранее середины — второй половины XIV в., что согласуется с датировкой контекста большинства находок «EIW» из Алушты. Таким образом, либо эта группа керамики появляется в Крыму и Приазовье позже, чем в Восточном Средиземноморье и Западном Причерноморье, что вполне возможно, либо хронология ее в этих регионах нуждается в уточнении, что также было бы интересно.

Производство подобных «EIW» традиционно связывали со столицей Византийской империи. Подтверждение чему были получены в 2007 г. при раскопках в Стамбуле. Здесь открыли остатки гончарной мастерской Палеологовского периода, значительную часть продукции которой составляли «EIW», очень близки крымским находкам по визуальным характеристикам сырья, технологическим признакам, морфологии и стилю декора. Однако химический анализ формовочных масс показал различия между некоторыми находками из Крыма и Стамбула, что свидетельствует о различном происхождении сырья и вероятно различных, хотя и близкородственных центрах производства, местонахождение которых пока не установлено. В этой связи следует также отметить наличие сходных по форме и декоративному оформлению сосудов среди продукции других мастерских, функционировавших примерно в одно и то же вре-

мя, например, в Салониках и Никеи. Не вполне ясно, в каком из регионов империи находился «эпицентр» зарождения традиции. Очевидно только, что за короткий промежуток времени она распространилась достаточно широко, приобретая в каждой местности свою локальную специфику. Стил «EIW» оказал влияние и на производство поливной керамики Таврики. Некоторые декоративные мотивы (в том числе монограммы), техника и манера их исполнения на серии сосудов условно объединяемых в группу «Юго-Восточный Крым», отделы II.1 и II.2-а (по классификации автора), находят близкие аналогии в декоре византийских «EIW». В отличие от своих прототипов, местные изделия получили наибольшее распространение в первой половине – середине XV в.

Таким образом, в изучении изделий группы «EIW» еще довольно много не решенных проблем. Дальнейшие археологические и археометрические исследования приблизят к пониманию объема и разнообразия производства керамики в стиле EIW, истоков и масштаба ее распространения, а также широты влияния одной из традиций керамического декоративно-прикладного искусства, зародившейся на территории Византийской империи во времена правления династии Палеологов.

IRINA TESLENKO

**BYZANTINE ELABORATE INCISED WARE
FROM FOURTEENTH-CENTURY HOUSES
AT LUSTA SETTLEMENT
(MODERN ALUSHTA, CRIMEA)²**

Urban buildings of Lusta shaped in the fourteenth century after a fire that totally destroyed the town in the last quarter of the

¹ This research is supported by Ukraine's State Agency for Science, Innovation, and Informatization.

thirteenth century, perhaps in result of Nogai's raids of 1278 and 1299. The dynamics of the recovery and growth of the settlement after the disaster are hard to evaluate, though the study of materials discovered at one house allowed one to consider that the entire urban territory considerably enlarged and was covered with stone houses by 1350. There appeared at least three new lines of streets outside the citadel but following its eastern contour. In 1370–1400 there was another large-scale conflagration. This time, the tragic incident did not affect the overall urban planning (after some repairs and renovations, the houses continued to exist at the same place until the Ottoman invasion in 1475), however, the cultural layers and traces of consequent repairs related to it are quite obvious in the stratigraphy of the site. Archaeological assemblages that shaped between the fire of the late thirteenth century and that of 1370–1400 supplied most of the stratified finds (69%) of Byzantine Elaborate Incised Ware (henceforth EIW) — 31% of them were discovered in displaced deposits within the settlement limits.

The entire period of research at the site of Lusta (1982, 1984–1993, 1998) discovered 13 fully or partially reconstructed vessels comparable with the ware in question. This is the largest group of far-away ceramic imports excavated at the settlement. Characteristic features of this group are deep orange-red shard, inclusions of fine sand into the fabric, sgraffito technique combined with excised decoration, yellow glaze coating inside and green glaze outside, as well as thin walls of the finished products. The Alushta collection includes two types of vessels: bell-shaped flat-bottomed cup and hemispherical cup with quite high truncated-conical ring-foot of small diameter. The ware has various ornamentations, mostly different rosettes, networks, zigzags, chequers, cypresses, doves, and a lion.

Similar EIW is well known at Eastern Mediterranean and Black Sea sites (Thessalonike, Athens, Crete, Constantinople, Nicaea, Ephesus, Kaliakra, Varna, Nesebar, Belgorod-on-the-

Dniester, Kaffa, Azak, and others). Most publications suggest wide chronology of the EIW in 1250–1400. However, in Kaffa and Azak these products are found in complexes from the mid- or second half of fourteenth century, which corresponds the dates of the contexts of most EIW finds in Alushta. Thus, either this group appeared in the Crimea and Azov area later than in the Eastern Mediterranean and the western Black Sea area, which was quite possible, or its chronology in the said regions required clarification, which would also be interesting.

It has been considered that such EIW was produced in the capital of the Byzantine empire. The 2007 excavations in Istanbul supplied more arguments. Remains of a pottery shop from the Palaeolegean period were discovered, with a significant part of its products being the EIW with their raw material, technological features, morphology and decorative style very close to the Crimean finds. However, chemical analysis of the fabric has showed some differences between the finds from the Crimea and Istanbul, indicating different origins of the raw materials and probably different, though closely related, production centres, which location remains obscure. In this context, it is worth noticing vessels of similar form and decoration style among the products of other pottery workshops that worked simultaneously, for example, in Thessalonike and Nicaea. The Byzantine region to become the initial centre of this tradition is not known. It is obvious that this tradition widely spread during a short period, getting its local features in every new area. Particularly, the EIW style influenced the glazed ware production in the Crimea. Some decorative motifs (including monograms), technique and manner of their making on a series of vessels that form a tentative group of South-East Crimea ware, sub-sections II.1 and II.2-a (the author's classification) find close parallels among the design of Byzantine EIW. In contrast to its predecessors, the local ware became most widespread in the first half and middle of the fifteenth century.

Thus, the study of the EIW finds leaves several problems for the future. Further archaeological and archaeometric researches would put us closer to understanding of the scope and diversity of EIW production, its origins and distribution, as well as the influence this traditions of ceramic applied art that originated in the Byzantine imperial territory under the Palaeologean dynasty.

А. Ч. ТЮРКЕР

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ СЕСТА НА ХЕРСОНЕСЕ ФРАКИЙСКОМ

На полуострове Херсонес Фракийский существовало несколько естественных портов по берегам Геллеспонта (Дарданелл) и Эгейского моря. Эти порты находились в устьях долин, которые образуют реки, впадающие в Эгейское море и Геллеспонт. Порты связывала сеть долин. Географические характеристики полуострова были одним из факторов, определивших поиски мест для обустройства рынков византийского времени, на что указывают также данные исторических источников.

Крепость Сест находится на берегу Геллеспонта, в долине Ялова, в пределах Эджеабата. Ялова представляет собой широкую долину, которая соединяется с небольшими долинами, образованными боковыми ручьями, и тем самым формируется сетка долин, которая обеспечивает легкий доступ к порту Эдже в Сарозе и природному порту Сувла в северной части Эгейского моря. Крепость расположена на высоте около 80 м в центральной точке мыса, защищенного с обеих сторон — на северо-востоке краем плато высотой около 100 м, а на юго-западе долиной Ялова. На обращенной к морю стороне плато имеются очень крутые участки скал. Его северные и

южные стороны также достаточно отвесны. Таким образом, крепость имеет естественную линию обороны. Крепость полигональная в плане, ее стены проходят по высшим точкам суши. Древний город Сест локализуется на месте крепости.

Для того, чтобы определить параметры поселения, были предприняты систематические разведки на участках к северо-востоку и юго-западу от крепости. Исследования включали два этапа. На первом этапе изучалась площадь 150 м в диаметре, в центре которой находилась крепость. На расстоянии примерно 118 м к юго-западу от крепости был обнаружен участок стены, сожженной на растворе. На этом участке найдено достаточно много фрагментов расписной, поливной и неглазурованной керамики раннехристианского и византийского времени.

На втором этапе исследовалась территория около 540 м в диаметре, центром которой является крепость. На этом этапе исследовались два участка. Первый находился на высотах от 75–80 м, где расположена крепость, и 35 м. Здесь зафиксированы три фрагмента стен. Первый из них обнаружен приблизительно в 310 м к северо-востоку от центра крепости, на высоте около 35 м, на склоне холма. Вторая стена — в 230 м к северо-западу от центра крепости, на высоте около 40 метров. Она также стоит на склоне холма, а ее характеристики идентичны северо-восточной стене. Третий фрагмент стены — в 260 м к западу от центра крепости, на высоте 45 м. Эти фрагменты стен, должно быть, относились к внешней линии обороны крепости.

Второй участок — поля на высоте приблизительно в 5–15 м, на расстоянии около 350 м по прямой к востоку и юго-востоку от центра крепости. Исследованиями этого района зафиксировано большое количество строительных остатков, указывающих на то, что здесь было здание византийского времени, впоследствии разрушенное. Среди керамического материала найдено довольно много фрагментов венчиков

расписной и краснолаковой посуды V – VII вв. Обнаружены также фрагменты белоглиняной, поливной и неглазурованной керамики. Наиболее значительная группа — фрагменты «Зевксипповой посуды», датируемой XII – XIII вв. Помимо фрагментов доньев, к этой группе относятся граффити, вероятно, являющиеся знаками мастера или мастерской. В настоящем исследовании рассматриваются фрагменты византийской поливной посуды, найденные на указанных участках.

AYŞE Ç. TÜRKER

**BYZANTINE GLAZED WARES FROM SESTOS
IN THE THRACIAN CHERSONESOS**

The Thracian Chersonese had more than one natural port on the coasts of the Hellespont and the Aegean Sea. These ports were located at the mouth of the valleys formed by the rivers that had reached the Aegean Sea and the Hellespont. The ports were connected with each other by the networks that the valleys formed. These geographical characteristics of the peninsula were one of the qualities sought for the market places of the Byzantine period. Historical data also indicates the same.

The castle of Sestos is located on the Hellespont coast of the Yalova Valley within the borders of Eceabat. The Yalova Valley is an important valley with a wide floor. It joins the small valleys created by the lateral brooks, thereby forming valley networks. With these valley networks, it provides easy access to Ece Port in Saroz and the natural ports of Suvla in the North Aegean. The castle is located at the altitude of around 80 m, at the central point of the land with both sides sheltered on the northeast-facing plateau at an altitude of approximately 100 m at the south-western border of the Yalova Valley. On the sea-facing side of the plateau are very steep rocky areas. Its northern and southern coasts are also

quite steep. The location of the castle creates natural defence. The castle has a polygonal plan consisting of the walls that follow the high points of the land. The ancient city of Sestos is localized in the place where the castle is located.

To understand the range of the settlement, systematic surveys were carried out in the areas located in the northeast and southwest of the castle. These studies were conducted at two stages. At the first stage, an area of 150 m in diameter, with the castle being the centre, was examined. Mortared wall fragments were detected at a distance of approximately 118 m in its southwest, with the castle being the centre. Painted, glazed and unglazed pottery shards of the Early Christian and Byzantine periods were documented at moderate density in this area.

At the second stage, an area of about 540 m in diameter, with the castle being the centre, was examined. The studies at this stage were conducted in two areas. The first area consisted of the altitudes between about 80 m to 75 m, where the castle was located, and 35 m. Some three wall fragments were documented in this area. Of them, the first one is found about 310 m to the north-east of the centre of the castle at the altitude of about 35 m on the border of the hill. The second wall is 230 m to the northwest of the centre of the castle at the altitude of about 40 m. This wall is also located on the border of the hill and has identical qualities with the wall in the northeast. The third wall fragment is 260 m to the west of the centre of the castle and at the altitude of 45 m. These wall fragments must have probably belonged to the external defensive line of the castle.

The second area consisted of the fields approximately between the altitudes of 5 m and 15 m at a distance of about 350 m as the crow flies in the eastern and south-eastern directions from the centre of the castle. During the studies in this area, considerable construction materials indicating that a building of the Byzantine period had been dismantled were documented. Among the pottery, rim shards of red-slipped and painted pottery, dated from the

fifth to seventh century, were documented at moderate density. The pottery also includes fragments of white paste, glazed and unglazed vessels. The most considerable group is comprised of the fragments of the Zeuxippus Ware dated from the twelfth and thirteenth century. Behind the base fragments in this group are some graffiti that are likely to have been workshop's or potter's marks. This study will evaluate the glazed Byzantine pottery finds from the said area.

В. ФРАНСУА

ЭГЕЙСКАЯ ПОСУДА: НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Категория «эгейская посуда» введена в 1975 г. А.-Х.-С. Мигоу и означает небольшую группу чаш, найденных при раскопках крепости Саранда-Колонес в Пафосе, Кипр, в контекстах конца XII – начала XIII в. Эта однородная группа включает 23 находки, имеющие общие технические, морфологические и стилистические характеристики. По мнению исследователя, данная посуда происходит из одной мастерской, находившейся, вероятно, в бассейне Эгейского моря.

Постепенно исходную группу дополнили другие вещи, более или менее аналогичные в некоторых аспектах. Они происходят из ряда кораблекрушений (в Пелагонисе, Каstellоризо, Скопеле, Каваллиани и Адрасане), наземных раскопок в восточном Средиземноморье и Причерноморье, из государственных и частных коллекций. Однако эти сосуды отличаются от группы, выделенной А.-Х.-С. Мигоу, большим разнообразием методов декора. Потому они обогащают исходную группу и, в то же время, затрудняют атрибуцию эгейской керамики. К тому же, в настоящее время стало понятно, что сам термин «эгейская посуда» определяет не класс, но группу

не столь однородных вещей, как представляется, имеющих общее происхождение.

По всей вероятности, керамика Пафоса, в частности обнаруженная в местах кораблекрушений и на археологических памятниках, может происходить из различных центров, где производили керамику одного стиля. Их локализация до сих пор не осуществлена. Некоторые из контекстов открытий позволяют уточнить датировку этого класса поливной керамики — иначе говоря, производство эгейской поливы относится к середине XII – концу XIII в.

На сегодняшний день «эгейскую посуду» можно определить как составную категорию находок, техническими характеристиками которой являются относительно хорошо отмученное тесто оранжевого, красного или светло-коричневого цвета с примесью крупных белых частиц, грубые, зачастую неправильные формы, предполагающие быстрое массовое производство, а также белый ангоб. Техника декора включает «sgraffito», «brown and green painted sgraffito», «champlevé», роспись ангобом, зеленые мазки по монохромной, как правило, бледно-желтую поливе.

В своем докладе я хотела бы предложить, на многочисленных примерах, новое определение данной категории византийской керамики.

VÉRONIQUE FRANÇOIS

AEGEAN WARE: A NEW DEFINITION

Aegean Ware is the name given by A. H. S. Megaw, in 1975, to a small group of bowls found in the excavations of the castle of Saranda Kolones in Paphos, Cyprus, in contexts of the late twelfth and early thirteenth century. This homogeneous group of

23 objects shared the same technical, morphological and stylistic characteristics. According to the author, this pottery came from the same workshop probably located in the Aegean.

Gradually, other objects more or less similar in some aspects came to aggregate the initial group. They come from many shipwrecks (Pelagonnisos, Kastelorizo, Skopelos, Kavalliani, and Adrasan), from land excavations in the Eastern Mediterranean and Black Sea, from public and private collections. However, these vases differ from the Megaw group by a greater variety of decoration techniques. So they enrich the initial group at the same time they make more complex the Aegean Ware identifications. Indeed, it is now clear that these terms of Aegean Ware no longer refer to a single class of objects, but a group of less homogeneous ceramic which seems to have a common origin.

In all probability, the ceramics of Paphos, those found in the shipwrecks and at various sites, could come from different production centers producing pottery in the same style. They have not yet been located. Several contexts of discoveries help to clarify the dating of this class of glazed pottery that is to say that Aegean Ware was manufactured from the mid-twelfth century to the late thirteenth century.

Aegean Ware, as it can be defined today, refers to a composite category whose technical characteristics are: a more or less fine fabric, orange, red or light brown in color, and containing large white inclusions; heavy and often distorted shapes which suggest a mass production quickly made; a very white slip. The decoration techniques are: sgraffito, brown and green painted sgraffito, champlevé, slip painted, green patches applied to a monochrome glaze usually pale yellow.

I propose to present here, through many examples, a new definition of this category of Byzantine ceramics.

Л. Г. Хрушкова

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В Восточном Причерноморье поливную керамику неоднократно обнаруживали в важных исторических центрах. Это Себастополис / Цхум (совр. Сухум) — самый крупный город восточного берега Черного моря, Анакопия (совр. Новый Афон) — крупнейшая крепость абазгов, Питиус / Бичвинта (совр. Пицунда) — один из самых крупных и древних христианских центров Кавказа, Лыхны — резиденция абхазских правителей. Почти все эти центры расположены на побережье, исключая с. Лыхны, удаленное вглубь страны на несколько километров. Обобщающей работы о поливной керамике этого региона пока нет.

В Себастополисе впервые фрагменты поливной керамики обнаружил в 1886 г. В. И. Сизов в устье р. Беслетки (Басла), во время «археологических экскурсий» Московского археологического Общества. В 1954 г. раскопки М. М. Трапша выявили коллекцию поливной керамики на т. н. Замке Баграта — цитадели города Цхуми, также в устье р. Беслетки. В 1957–1958 гг. Л. Н. Соловьев и М. М. Трапш обнаружили поливную керамику в Анакопии. Почти двадцать лет спустя О. Х. Бгажба предпринял первую попытку обобщения известных к тому времени данных о поливной керамике в Абхазии. Она была классифицирована на семь типов в рамках XI – XIV вв. Возможно, центром производства поливной керамики был и Себастополис. В 1977 г. в прибрежной зоне Сухума при строительных работах случайно обнаружили несколько фрагментов поливных чаш, которые датировали XI – XIV вв.

Еще одна коллекция поливной керамики Себастополиса была выявлена нашими раскопками 1987–1992 гг. в средневе-

ковых слоях архитектурного комплекса, построенного в позднеантичную эпоху. Стратиграфия была почти полностью нарушена последующей строительной деятельностью. Коллекция опубликована лишь частично. Свыше 20 доньев чаш отличаются следующими чертами: тонко отмученная глина светлорасноватого цвета, невысокий кольцевой поддон, диаметр дна от 4,5 до 7 см, чаще 5–6 см. В этой группе преобладает полива желтого цвета различных оттенков, с подглазурной росписью коричневого цвета в виде одного или двух концентрических кругов в центре чаши. Некоторые чаши украшены растительными и геометрическими мотивами, в других случаях применена одноцветная полива, без декора. Эта группа керамики относится к типу «Зевксипповой посуды», широко распространенной в Средиземноморье в XIII – XIV вв. В это время в Себастополесе существовала генуэзская фактория.

Группа фрагментов поливной керамики была открыта нашими раскопками дворцового комплекса владетельных князей Абхазии, расположенном в с. Лыхны близ г. Гудаута. Комплекс, с перестройками и некоторыми перерывами, существовал с IX по XIX в. Поливная посуда отсутствовала в нижних культурных слоях (IX – X вв.), но появляется с XI в. Это фрагменты чаш на низких поддонах с красноватым черепком и одноцветной поливой, нанесенной по белому ангобу изнутри. Преобладает зеленая полива, встречается также желтая, в некоторых случаях чаши украшены волнообразным орнаментом по краю, выполненном коричневой полосой. Встречались характерные донья «Зевксипповых» чаш с желтой поливой и мотивом круга, концентрических кругов или спирали в центре. Несколько фрагментов подобной керамики мы выявили также в шурфе, заложенном между северным и западным притворам купольной церкви, которая была частью дворцового комплекса.

Поскольку комплекс в с. Лыхны функционировал длительное время, здесь встречалась керамика эпохи позднего

средневековья. Тарелка на поддоне с коричневой поливой и подглазурным орнаментом темно-коричневых концентрических кругов была украшена еще и многолепестковой розеткой в центре. Она датируется XVII в. по стратиграфическому и архитектурному контексту. К той же позднесредневековой эпохе относится тарелка с фестончатым краем и блестящей («металлической») темно-зеленой поливой, которая находит аналогии в Греции, в материалах XVI в. В целом же обитатели дворца пользовались в основном посудой местного производства.

Раскопки жилого комплекса близ большого Пицундского купольного храма, проведенные нами в 2007–2009 гг., показали, что жители этого места, связанные с церковью, возможно, монашествующие, использовали поливную керамику очень редко. В переотложенном слое была обнаружена почти целая чаша на поддоне, с желтоватой поливой по белому ангобу, украшенная широким бордюром с растительными мотивами. Декор выполнен в технике «сграффито». Она тоже относится к типу «Zeuxippe Ware» и датируется XIV в.

Таким образом, в Восточном Причерноморье поливная керамика связана с культурой городских центров, больше всего ее обнаружено в Севастополе, здесь она отличается и наибольшим разнообразием.

LIUDMILA KHRUSHKOVA

**MEDIAEVAL GLAZED POTTERY
IN THE EASTERN BLACK SEA AREA**

In the Eastern Black Sea area, glazed wares are often discovered in important historical centres: Sebastopolis / Tskhum (modern Sukhum), the largest city in the eastern Black Sea coast; Anakopia (modern Novyi Afon), the largest Abazgian fortress;

Pitius / Bichvinta (modern Pitsunda), one of the largest and most ancient Christian centres in Caucasus; and Lykhny, the residence of Abkhazian rulers. Almost all these centres are coastal, with the exception of Lykhny, which is few kilometres inland. No generalizing research on glazed ceramics in the region is available.

In Sebastopolis, the first fragments of glazed ware were discovered in 1886 by V. I. Sizov in the estuary of the Besletka (Basla) river, during the Moscow Archaeological Society's "archaeological excursions." M. M. Trapsh's 1954 excavations revealed a collection of glazed ceramics in the so-called Castle of Bagrat, the citadel of Tskhumi town, in the estuary, also at the estuary of the Besletka. In 1957 and 1958, L. N. Solov'ev and M. M. Trapsh found glazed wares in Anakopia. Almost twenty years after, O. Kh. Bgazhba made the first attempt to generalize the account of Abkhazian glazed ware known at the moment. He divided it into seven types dating from 1000–1400. Sebastopolis might be a centre of glazed ware production. In 1977, construction works in the coastal area of Sukhum accidentally discovered a few fragments of glazed bowls from 1000–1400.

Another collection of glazed ceramics from Sebastopolis was revealed by my excavations in 1987–1992 in the layers of a medieval architectural complex, which had been built in the late antique period. The stratigraphy was almost completely disturbed by later constructions. Only a part of the collection was published. There are more than 20 bowl bottoms of the following features: finely elutriated clay of light reddish colour, low ring-foot, and bottom diameter 4.5 to 7 cm, usually 5–6 cm. This group is mostly covered by glaze of various shades of yellow, with brown underglaze painting of one or two concentric circles in the centre of the bowl. Some bowls are decorated with floral and geometric patterns, in other cases is monochrome glazing with no decoration. This is the Zeuxippus Ware, which was widespread in the Mediterranean in 1200–1400. In this period, Sebastopolis was a Genoese emporium.

My excavations of the palace of Abkhazian princes in the village of Lykhny near Gudauta town discovered a group of glazed fragments. The complex in question existed from the ninth to nineteenth century, with some gaps and rearrangements. Glazed pottery was absent in low cultural layers (800–1000), but appeared in the eleventh century. There are fragments of bowls with low ring-foots, of red fabric and monochrome glaze above white engobe inside. Green glaze predominates, though there also are yellow; some bowl are decorated with wavy patterns by brown stripe on the edge. There are typical bottoms of Zeuzippus bowls with yellow glaze and circle, concentric circles, or spiral in the centre. Several fragments of such ware were found in the prospect trench between the northern and western porches of the domed church, which had been a part of the palace complex.

As the complex in Lykhny village functioned for a long time, there was late mediaeval pottery. A plate with ring-foot, brown glaze and underglaze dark brown concentric circles was supplementary decorated with a many-petal rosette in the centre. It dates back to the seventeenth century according to stratigraphic and architectural context. A plate with festooned edge and shiny (“metallic”) dark-green glaze has parallels in sixteenth-century materials from Greece and dates to the Late Mediaeval period as well. Generally, the palace residents used local vessels.

My excavation of a residential complex near the large domed church of Pitsunda in 2007–2009 showed that local residents, related to the church, perhaps monks, rarely used glazed pottery. A re-deposited layer contained almost complete bowl with a ring-foot, covered with yellowish glaze above white engobe, decorated wide border of floral designs. The decoration is made in sgraffito technique. The vessel also belongs to the Zeuxippus Ware and dates from the fourteenth century.

Thus, in the eastern Black Sea area, glazed pottery was related with the culture of urban centres, and was mostly found in Sebastopolis, where it was most varied.

В. Н. ЧХАИДЗЕ

**ЧАШИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗМЕИ И ЦАПЛИ
В ТЕХНИКЕ СГРАФФИТО С ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА**

Из многолетних раскопок средневековых слоев Таманского городища происходит целый ряд фрагментов глазурованной керамики с орнаментом, выполненным в технике сграффито (раскоп 1, 1930–31 гг.; раскопы VII, XIV и XVIII, 1952–1953 гг.; раскоп «Нагорный», 1981 г.; и др.).

Это глубокие красноглиняные чаши полусферической формы, на низком поддоне, со слегка отогнутым внутрь уплощенным бортиком. Чаши покрыты плотным слоем желтой глазури. На внутренней поверхности сосудов изображена цапля, обращенная вправо, с вытянутым туловищем, длинным хвостом и длинным изогнутым клювом. Цапля окружена змеями, с головками, обращенными к ней. Тела их переданы извилистыми линиями. Количество змей варьирует от трех до пяти, они расположены симметрично. Темные линии, выполненные широким резцом, контрастируя со светлой ангобированной поверхностью сосуда, делают орнамент более ярким.

По мнению А. И. Романчук, эта группа керамики датируется первой половиной XIII в. Аналогичные сосуды встречены в Херсонесе и Эски-Кермене. Известны находки из Стамбула (включая раскопки Большого Дворца). Также открыты на о. Кипр, о. Родос, в Аланье, Каstellоризо, Бодруме, Измире, арх. Северные Спорады, в Афинах.

Помимо того, что встречаются чаши, на которых цапля повернута влево, известен еще один вид таких чаш, на которых змеи (от двух до четырех) окружают рыбу (повернута как вправо, так и влево). По мнению А. Л. Якобсона, образы змей и птиц на чашах являются заклинательными (магическими), символизирующими две стихии (духи-покровители). При

этом у большинства народов змея является олицетворением стража, и изображение ее на сосудах может иметь смысловое антропеическое значение.

Размеры и форма чаш, стиль изображений настолько близки, что вероятно предположение об их изготовлении в одной мастерской. А. Л. Якобсон считал эти чаши произведением херсонесской мастерской, однако по мнению Т. И. Макаровой, такие чаши производились в одном из византийских центров. Вместе с тем, А. И. Романчук допускает изготовление подражательных типов этих сосудов в Херсонесе. Так же следует указать на немногочисленность находок подобных чаш — соответственно, маловероятно, чтобы центров их изготовления могло быть несколько. Таким центром могло быть юго-западное побережье Анатолии.

VICTOR CHKHAIDZE

SNAKE AND HERON SGRAFFITO BOWLS FROM TAMAN' FORTIFIED SETTLEMENT

Long-term excavations of mediaeval layers at Taman' fortified settlement uncovered a number of glazed sgraffito pottery fragments (1930–1931 excavation trench 1; 1952–1953 excavation trenches VII, XIV, and XVIII; 1981 “Nagorny / Hilltop” excavation trench; and others).

These are deep hemispherical red-clay bowls, with low ring-foot and slightly out-turned flattened wall, covered by compact layer of yellow slip. Internal surface of the vessels shows a heron, facing right, with elongated body, long tail, and long curved beak. The heron is encircled with snakes with their heads turned to the heron and their bodies drawn by curved lines. There are from three to five snakes, all placed symmetrically. Dark lines drawn by a wide cutting tool contrast to light-engobed surface of the vessel thus making the ornamentation brighter.

In A. I. Romanchuk's opinion, this pottery group dates back to 1200–1250. Parallel vessels occur in Chersonesos and Eski-Kermen. There also are finds from Istanbul (particularly those excavated at the Great Imperial Palace), as well as from Cyprus, Rhodes, Alanya, Kastelorizo, Bodrum, Izmir, North Sporades, and Athens.

Apart from the bowls with the heron turned left, there are those with snakes (two to four) around a fish (turned right or left). In A. L. Iakobson's opinion, snakes and birds on bowls are magic symbols (charms) symbolizing two elements (patron spirits). Most peoples consider snake the embodiment of a guard, so its image on bowls might have an apotropaic significance.

The size and form of the bowls and the style of images are so close that their production at the same workshop seems probable. A. L. Iakobson considered these bowl the products of a Chersonesos workshop, though T. I. Makarova related them to some Byzantine centre. Moreover, A. I. Romanchuk assumed that Chersonesos made replicas of the bowls in questions. It is also worth mentioning that the number of such finds is big, therefore there might be several production centres, particularly on the south-western Anatolian coast.

АВТОРЫ CONTRIBUTORS

Айбабин Александр Ильич. Д. и. н., профессор, руководитель Крымского отделения Института востоковедения (Симферополь, Россия). Email: aleksandraibabin@rambler.ru

AIBABIN, Aleksandr. DSc, professor, head of the Crimea Branch of the Institute of Oriental Studies (Simferopol, Russia). Email: aleksandraibabin@rambler.ru

Алядинова Диляра Юсуфовна. Младший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии (Симферополь, Россия). Email: struldbrug24@gmail.com

ALIADINOVA, Diliara. Junior researcher at the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia). Email: struldbrug24@gmail.com

Борисов Борис. Д-р, проф., Великотырновский университет им. святых Кирилла и Мефодия (Велико Тырново, Болгария). Email: bdborisov@abv.bg

BORISOV, Boris. Dr, professor at the St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Veliko Tarnovo, Bulgaria). Email: bdborisov@abv.bg

Бочаров Сергей Геннадьевич. К. и. н., старший научный сотрудник Крымского филиала Института Археологии (Симферополь, Россия). Email: sgbotcharov@mail.ru

BOCHAROV, Sergei. CSc, senior researcher at the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia). Email: sgbotcharov@mail.ru

ВАРДАНЕСОВА Татьяна Владимировна. К. и. н., старший научный сотрудник Ереванского государственного университета.
Email: history@ysu.am

VARDANESOVA, Tatyana. CSc, senior researcher at the State Yerevan University (Yerevan, Armenia). Email: history@ysu.am

ВРУМ Иоанита. Д-р, доцент Лейденский университет (Лейден, Нидерланды). Email: joanitavroom@hotmail.com

VROOM, Joanita. Dr, associate professor at the Leiden University (Leiden, Netherlands). Email: joanitavroom@hotmail.com

ГИНЬКУТ Наталья Витальевна. Ученый секретарь Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Email: ginkut@hotmail.ru

GINKUT, Nataliya. Academic secretary of the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia). Email: ginkut@hotmail.ru

ГУСАЧ Ирина Рудольфовна. Заведующая отделом Азовского государственного палеонтологического и археологического музея-заповедника (Азов, Россия).
Email: irina_gusach@mail.ru

GUSACH, Irina. Department Head at the State Azov Paleontological and Archaeological Museum Preserve (Azov, Russia). Email: irina_gusach@mail.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич. Младший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии (Симферополь, Россия). Email: tnu.dushenko@mail.ru

DUSHENKO, Anton. Junior researcher at the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia).
Email: tnu.dushenko@mail.ru

ЗАЛЕСКАЯ Вера Николаевна. Д. и. н., ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).
Email: vzales@hermitage.ru

ZALESSKAIA Vera. DSc, leading researcher at the State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia).
Email: vzales@hermitage.ru

КАН-ШАХИН Гюльсерен. Аспирант Университета им. 9 сентября (Измир, Турция). Email: elafli@yahoo.ca

КАН ŞAHİN, Gülseren. PhD student at the Dokuz Eylül University (Izmir, Turkey). Email: elafli@yahoo.ca

КОВАЛЬ Владимир Юрьевич. К. и. н., старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия). Email: kovaloka@mail.ru

KOVAL', Vladimir. CSc, senior researcher at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Email: kovaloka@mail.ru

ЛАФЛЫ Эргюн. Профессор Университета им. 9 сентября (Измир, Турция). Email: elafli@yahoo.ca

LAFLI, Ergün. Dr, professor at the Dokuz Eylül University (Izmir, Turkey). Email: elafli@yahoo.ca

КРАМАРОВСКИЙ Марк Григорьевич. Д. и. н., ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия). Email: solkhat@hermitage.ru

КРАМАРОВСКИЙ, Mark. DSc, leading researcher at the State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia).
Email: solkhat@hermitage.ru

МАСЛОВСКИЙ Андрей Николаевич. К. и. н., заведующий отделом Азовского государственного палеонтологического и археологического музея-заповедника (Азов, Россия). Email: maslovskiazak@mail.ru

MASLOVSKII, Andrei. CSc, department head at the State Azov Paleontological and Archaeological Museum Preserve (Azov, Russia). Email: maslovskiazak@mail.ru

МАЙКО Вадим Владиславович. Д. и. н., заместитель директора по научной работе Крымского филиала Института археологии (Симферополь, Россия). Email: vadimmaiko@ukr.net

МАЙКО, Vadim. DSc, deputy director for research of the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia).
Email: vadimmaiko@ukr.net

МАНОЛОВА-ВОЙКОВА Мария. Д-р, Варнский археологический музей (Варна, Болгария). Email: mara_manolova@yahoo.de

MANOLOVA-VOYKOVA, Mariya. Dr., Varna Archaeological Museum (Varna, Bulgaria). Email: mara_manolova@yahoo.de

НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич. К. и. н., доцент Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия). Email: byzance@rambler.ru

NAUMENKO, Valerii. CSc, associate professor at the V. I. Vernadsky National Taurida University (Simferopol, Russia). Email: byzance@rambler.ru

ПАПАНИКОЛА-БАКИРТИЗИ Деметра. Д-р, директор Муниципального музея Левентиса в Никосии (Никосия, Кипр).

Email: demetrabakirtzis@yahoo.gr

ΠΑΠΑΝΙΚΟΛΑ-ΒΑΚΙΡΤΖΙ, Demetra. DR, director of the Leventis Municipal Museum of Nicosia (Nicosia, Cyprus).

Email: demetrabakirtzis@yahoo.gr

СЕДИКОВА Лариса Васильевна. К. и. н., заместитель генерального директора по научной работе Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия).

Email: sedikova7@yahoo.com

SEDIKOVA, Larissa. CSc, deputy director-general for research of the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia).

Email: sedikova7@yahoo.com

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич. К. и. н., научный сотрудник Крымского филиала Института археологии (Симферополь, Россия).

Email: codexcummanicus@gmail.com

SEIDALIEV, Emilʹ. CSc, researcher at the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia).

Email: codexcummanicus@gmail.com

СИТДИКОВ Айрат Габитович. К. и. н., директор Института археологии Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). Email: sgbotcharov@mail.ru

SITDIKOV, Airat. CSc, director of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia). Email: sgbotcharov@mail.ru

СТУПКО Михаил Валерьевич. Младший научный сотрудник Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Email: info@chersonesos.org

STUPKO, Mikhail. Junior researcher at the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia). Email: info@chersonesos.org

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна. К. и. н., научный сотрудник Крымского филиала Института археологии (Симферополь, Россия). Email: i_teslenko@mail.ru

TESLENKO, Irina. CSc, researcher at the Crimean Branch of the Institute of Archaeology (Simferopol, Russia).
Email: i_teslenko@mail.ru

ТЮРКЕР Айше. Д-р, доцент Университета Чанаккале им. 18 марта (Чанаккале, Турция). Email: ayseturker@comu.edu.tr

TÜRKER, Ayşe Ç. Dr, associate professor at the Çanakkale Onsekiz Mart University (Çanakkale, Turkey).
Email: ayseturker@comu.edu.tr

ТУРОВСКИЙ Евгений Яковлевич. К. и. н., заведующий отделом Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Email: info@chersonesos.org

TUROVSKII, Evgenii. CSc. Department head at the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia). Email: info@chersonesos.org

ФИЛИППЕНКО Андрей Анатольевич. Научный сотрудник Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия). Email: info@chersonesos.org

FILIPPENKO Andrei. Researcher at the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia). Email: info@chersonesos.org

ФРАНСУА Вероник. Д-р, ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований (Экс-ан-Прованс, Франция). Email: vfrancois@msh.univ-aix.fr

FRANÇOIS, Véronique. Dr, research director at the National Centre for Scientific Research (Aix-en-Provence, France). Email: vfrancois@msh.univ-aix.fr

ХРУШКОВА ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА. Д. и. н., профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). Email: khrushkoval@list.ru

KHRUSHKOVA, LIUDMILA. DSc, professor at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Email: khrushkoval@list.ru

ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич. К. и. н., научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (Москва, Россия). Email: chkhaidze.v@yandex.ru

СНКНАИДЗЕ, Victor. CSc, researcher at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Email: chkhaidze.v@yandex.ru

ЯШАЕВА Татьяна Юсуфовна. Заведующий отделом Заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия).
Email: tatjus2@mail.ru

YASHAEVA, Tatjana. Department head at the Tauric Chersonesos Preserve (Sevastopol, Russia). Email: tatjus2@mail.ru

